

«Этот «домашний» триллер сведет вас с ума резкими поворотами
интригующего сюжета».

Booklist

ТАРРИН
ФИШЕР

ВСЕ ЕГО
ЖЕНЫ

Таррин Фишер

Все его жены

Серия «Идеальный триллер»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51849967
Все его жены : [роман] / Таррин Фишер: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-119679-0*

Аннотация

У главной героини триллера экзотическое имя – Четверг – и непростая жизнь. Она очень любит своего мужа, но видится с ним, по иронии судьбы, только... по четвергам. Остальные дни Сет проводит с двумя другими своими женами, которых Четверг никогда не видела и ничего о них не знает.

Однажды, стирая вещи мужа, она находит в кармане записку с напоминанием о встрече с женщиной по имени Ханна. Интуиция подсказывает, что Ханна одна из его жен. Четверг не хотела нарушать договоренность со своим мужем, но все же выяснила Ханну и завела с ней дружбу. Ханна понятия не имеет, с кем имеет дело. Но чем ближе они становятся, тем больше раскрываются друг другу. Однажды Ханна приходит в синяках и становится очевидно, что это дело рук ее мужа. Это открытие шокирует, ведь Сет никогда не бывал жестоким по четвергам.

Кем он является на самом деле и как далеко его жена готова зайти в другие дни, кроме четверга? Рискнет ли она жизнью, чтобы узнать его «поближе»?

Содержание

1	6
2	20
3	32
4	41
5	56
6	67
7	77
8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Таррин Фишер

Все его жены

Посвящается Колин

1

Он приходит по четвергам, каждую неделю. Это мой день, я – Четверг. День надежды среди более важных дней; не начало и не конец, но передышка. Аперитив перед выходными. Иногда я думаю о других днях: думают ли они обо мне? Ведь женщины так устроены, верно? Всегда интересуются друг другом – любопытство и ненависть сливаются в маленьких лужицах эмоций. Ничего хорошего тут нет; если слишком много думать, можно натворить ерунды.

Накрываю стол на двоих. Немного медлю, когда выкладываю столовое серебро, пытаюсь вспомнить, что куда полагается по этикету. Провожу языком по зубам и качаю головой. Это просто нелепо; мы с Сетом будем сегодня только вдвоем – домашнее свидание. Впрочем, иначе почти и не бывает – мы нечасто рискуем ходить на настоящие свидания, где нас могут увидеть вместе. Только представьте... Ты опасаясь, что тебя увидят с твоим собственным мужем. Или твой муж не хочет, чтобы его видели вдвоем с тобой. Стопка водки, выпитая чуть раньше, согревает, дарит расслабленность и беззаботность. Опуская рядом с тарелкой вилку, я чуть не роняю вазу с цветами – букет бледных роз, вполне оправдывающих свое название. Я выбрала их за едва уловимую сексуальность, ведь в моем положении крайне важно быть на

пике любовной игры. *Посмотри на эти нежно-розовые лепестки. Они напоминают мой клитор? Прекрасно!*

Справа от цветов стоят две белые свечи в серебряных подсвечниках. Однажды мама сказала, что в мерцающем пламени свечи женщина выглядит почти на десять лет моложе. Маму всегда волновали подобные вещи. Каждые шесть недель доктор протыкал ей иглой лоб, запуская под кожу тридцать кубиков ботокса. Она была подписана на всевозможные глянцевого журналы и собирала книги о том, как удержать мужа. Никто не прикладывает столько усилий, чтобы удержать мужа. Особо стараться начинают только те, кто его уже потерял. Раньше, когда я еще свято верила в идеалы, я считала ее поверхностной. У меня были большие планы отличаться от матери во всем: быть любимой, успешной, родить прекрасных детей. Но увы, желание сердца – лишь слабый ручей против потока воспитания и природы. Ты можешь плыть против него всю жизнь, но постепенно устанешь, и тогда поток генов и воспитания утянет тебя под воду. Со временем я стала очень похожа на нее и лишь немного – на себя.

Кручу пальцем колесико зажигалки и подношу пламя к фитилю. На «Зиппо» виднеются остатки потертого английского флага. Мерцающий язычок напоминает мне о коротком опыте курения. В основном чтобы казаться круче – я никогда не затягивалась, но мне нравилась сияющая искра на кончиках пальцев. Родители купили подсвечники мне в подарок, для домашнего уюта, после того, как я присмотре-

ла их в каталоге Тиффани. Предсказуемо роскошные. Сразу после свадьбы ты смотришь на пару подсвечников и представляешь долгие годы домашних ужинов, дополненных такой красотой. Именно таких, как сегодня. Моя жизнь почти идеальна.

Я складываю салфетки и смотрю в эркерное окно – передо мной простирается парк. Погода серая, типичный Сиэтл. Я выбрала эту квартиру именно из-за вида на парк, хотя другая, выходящая на Эллиот-Бей, была гораздо больше и лучше. Большинство предпочитают вид на воду, но я больше люблю наблюдать за людьми. Седая пара сидит на скамейке, наблюдая за тропинкой, на которой каждые несколько минут можно встретить велосипедистов и любителей оздоровительного бега. Прекрасные в своей седине наблюдатели не прикасаются друг к другу, но их головы синхронно поворачиваются, когда кто-то появляется на тропинке и исчезает снова. Интересно, ждет ли такое будущее нас с Сетом? Потом я вспоминаю других и чувствую, как к щекам приливает краска. Представлять будущее – непростая задача, когда делишь мужа с двумя другими женщинами.

Я ставлю на стол бутылку «Пино-гри», выбранную сегодня на рынке. Обычная этикетка, ничего выдающегося, но строгий мужчина, который мне ее продал, подробно описал вкус, потирая пальцы. Я не помню, что именно он рассказывал, хотя это было всего несколько часов назад. Я была слишком озабочена покупкой продуктов. Мама учила меня:

готовка – единственный способ быть хорошей женой.

Я делаю шаг назад и оценивающе оглядываю результат работы. Стол впечатляющий, но королевой вечера буду я. Все именно так, как любит он, а значит, люблю и я. Нельзя сказать, что у меня нет индивидуальности, просто вся моя индивидуальность предназначена для него. Как и должно быть.

Ровно в шесть я слышу, как поворачивается в замке ключ и со свистом открывается дверь. Потом щелчок, когда она закрывается, и бряцанье его ключей, брошенных на столик в прихожей. Сет никогда не опаздывает: при такой сложной жизни, как у него, четкий распорядок крайне важен. Я приглаживаю с огромным трудом завитые волосы и выхожу из кухни в коридор, ему навстречу. Он разглядывает почту, которую держит в руке, с кончиков волос капает вода.

– Ты забрал почту! Спасибо.

Я смущаюсь восторга в собственном голосе. Господи, да это всего лишь почта!

Он кладет стопку на маленький мраморный столик в прихожей, рядом с ключами, и улыбается. Меня начинают даже слегка настораживать замиранья моего сердца и бросает в жар от удовольствия. Я подхожу к его широкой груди, вдыхаю его аромат и утыкаюсь лицом в шею. В прекрасную шею, широкую и загорелую. Грациозно поддерживающую голову с превосходными волосами и классически красивым лицом. Я в страстном порыве вся прижимаюсь к нему. Пять дней

– долгий срок без любимого мужчины. В юности я считала любовь обузой. Как вообще можно заниматься делами, если каждую секунду приходится думать о другом человеке? После встречи с Сетом все мои принципы полетели к чертям. Я превратилась в то, что видела в собственной матери: обожающую, покладистую шовинистку – эмоционально и сексуально. Это поразило и возмутило меня.

– Я скучала, – говорю я ему.

Целую его в подбородок, в нежную кожу под мочкой уха, а потом встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до губ. Я изголодалась по вниманию и целую агрессивно и глубоко. В его груди раздается стон, и портфель со стуком падает на пол. Он обхватывает меня руками.

– Прекрасная встреча, – произносит он. Два его пальца скользят по моим позвонкам, как по саксофону. Он мягко массирует меня, и я придвигаюсь ближе.

– Я бы сделала ее еще лучше, но ужин готов.

Его взгляд затуманен, и я внутренне ликую. Я завела его меньше чем за две минуты. Хочется сказать: «*Видели?!*» Но кому? Что-то разматывается у меня в животе, нитка раскручивается и раскручивается. Я пытаюсь поймать ее, пока не поздно. Почему я постоянно думаю о них? Основная задача как раз о них *не* думать.

– Что ты приготовила? – Он разматывает шарф и оборачивает его вокруг моей шеи, прижимает меня к себе и снова целует. Его голос согревает мое ледяное оцепенение, и я

прогоняю непрощенные чувства, исполненная решимости не портить совместный вечер.

– Пахнет здорово!

Я улыбаюсь и плавной походкой возвращаюсь в столовую – пора кормить его ужином. Задерживаюсь в дверях, чтобы проследить за его реакцией на стол.

– Как красиво!

Он протягивает ко мне сильные загорелые руки с прожилками вен, но я игриво отскакиваю в сторону. На оконном стекле за его спиной виднеются капли дождя. Я выглядываю из-за его плеча – пара со скамейки ушла. Чем они будут ужинать? Едой из китайского ресторана? Супом из банки?

Я двигаюсь по кухне и слежу, чтобы Сет не сводил с меня взгляда. Он научил меня – можно полностью завладеть вниманием мужчины, если правильно двигаться.

– Каре ягненка, – сообщаю я через плечо. – И кускус...

Он берет со стола бутылку вина, держит за горлышко и наклоняет, чтобы рассмотреть этикетку.

– Хорошее вино.

Сет не пьет вино; во всяком случае, с другими. По религиозным причинам. Но для меня он делает исключение, и я считаю это еще одной своей маленькой победой. Я соблазнила его темно-красным «Мерло» и бодрящим «Шардоне». Мы целовались и смеялись, и пьяными предавались долгожданному любовным утехам. Только со мной, с ними он так не делал.

Глупо, знаю. Я сама выбрала такую жизнь, и ее смысл – не соревнование, а забота, но невозможно удержаться и не вести счеты, когда рядом есть другие женщины.

Когда я возвращаюсь из кухни и несу между двумя полотенцами горячий ужин, он уже разлил вино, пьет его и смотрит на улицу. Под окном двенадцатого этажа пульсирует вечерний город. Перед парком проходит оживленная улица. Справа от парка, вне поля зрения – Зунд, покрытый лодками и кораблями летом и скрытый в тумане зимой. Его видно из окна спальни – широкий водный простор. Идеальный вид на Сиэтл.

– Плевать на ужин. Хочу тебя, немедленно, – говорит он. Тон командный, Сет не оставляет места для обсуждений. Эта черта сослужила ему хорошую службу во всех сферах жизни.

Я ставлю блюдо на стол, чувствуя, как во мне пробуждается совсем другой аппетит. Наблюдаю, как он задувает свечи, не сводя с меня глаз, и иду в спальню, расстегивая на ходу платье. Медленно, чтобы он видел, стягиваю с себя шелк. Я чувствую его сзади: его присутствие, его тепло, его нетерпение. Мои идеальный ужин стынет на столе, жир ягненка сгущается по краям блюда, а я выскальзываю из платья и наклоняюсь вперед, упираясь руками в кровать. Запястья тонут в пуховом одеяле, его пальцы касаются моих бедер и цепляют упругую резинку на талии. Он стягивает трусики, они сползают к лодыжкам, и я скидываю их на пол.

Звон металла и свист его ремня. Он не раздевается – слы-

шен только глухой звук спадающих вниз штанов.

Уже после я разогреваю ужин в микроволновке, завернувшись в халат. Я чувствую пульсацию между ног, чувствую, как стекает по бедрам семя; все болит самым лучшим образом. Я несу ему тарелку с едой, он лежит на диване без рубашки, закинув руку за голову, – картина изнеможения. Я не могу сдержать широкой улыбки, хотя пытаюсь. Улыбка школьницы прорывается сквозь мою обычную сдержанность.

– Ты красивая, – произносит он, увидев меня. Хрипловатым голосом, как всегда после секса. – С тобой было так хорошо!

Пока я передаю тарелку, он гладит меня по бедру.

– Помнишь, мы обсуждали совместный отпуск? Куда хочешь поехать?

Типичная беседа с Сетом после близости: он любит говорить о будущем после того, как кончит.

Помню ли я? Конечно, помню. Я изображаю удивление.

Он обещает мне эту поездку уже год. Только мы вдвоем.

Сердце начинает биться быстрее. Я так этого ждала. Не хотела давить на него, ведь он был очень занят, но провела в мечтах целый год. Я представляла места, куда мы можем отправиться. Определилась, что это будет пляж. Белый песок, бирюзовая вода, долгие прогулки вдоль кромки прибоя, держась за руки прилюдно. *Прилюдно.*

– Куда-нибудь, где тепло, – отвечаю я. Зрительного кон-

такта избегаю – не хочу, чтобы он заметил, насколько мне не терпится получить его в полное распоряжение. Как я нуждаюсь в нем, какая я ревнивая и мелочная. Позволяя халату раскрыться, я наклоняюсь, чтобы поставить его вино на газетный столик. Он протягивает руку и обхватывает мою грудь, как я и ожидала. В некоторых моментах он предсказуем.

– Турция или Кайкос? – предлагает он. – Тринидад?

Да и да!

Я опускаюсь в кресло напротив дивана и закидываю ногу на ногу, чтобы халат распахнулся и показалось бедро.

– Выбирай, – говорю я. – Ты путешествовал больше, чем я.

Я знаю, он любит принимать решения. Да и какая мне разница, куда мы поедем?! Если я получу его на целую неделю, непрерывно, безраздельно! На эту неделю он станет только моим! Мечта! Но наступает момент, которого я боюсь и ради которого живу.

– Сет, расскажи, как прошла неделя.

Он ставит тарелку и складывает кончики пальцев. Они блестят от мясного жира. Мне хочется подойти и засунуть их себе в рот, обсосать дочиста.

– У Понедельника токсикоз, ребенок...

– О нет, – ужасаюсь я. – У нее же первый триместр, это может продлиться еще несколько недель.

Он кивает и улыбается.

– Она на седьмом небе, несмотря на тошноту. Я купил ей

книгу про имена. Она подчеркивает те, которые нравятся, и, когда видимся, мы вместе выбираем.

Я ощущаю укол ревности и немедленно прогоняю чувство прочь. Это кульминация моей недели – слушать о других. Я не хочу портить ее мелочными обидами.

– Так здорово, – восхищаюсь я. – Она хочет мальчика или девочку?

Смеясь, Сет идет на кухню и опускает тарелку в раковину. Я слышу звук стекающей воды, а потом стук крышки мусорного ведра – он выбрасывает бумажное полотенце.

– Мальчика. С темными волосами, как у меня. Но думаю, ребенок в любом случае получится светловолосый, как она.

Я представляю Понедельник – высокая, прямые светлые волосы, загар от серфинга. Стройная и подтянутая, с идеальными белыми зубами. Она много смеется – в основном над его шутками – и влюблена, как девчонка. Он говорил, что ей двадцать пять, но она выглядит как школьница. Обычно я осуждаю мужчин, которые предпочитают женщин сильно моложе себя, но не в его случае. Для Сета важна духовная связь.

– Расскажешь, когда узнаете, кого ждете?

– Странная просьба, но да, – улыбается он только уголком рта. – На следующей неделе у нас врач. В понедельник утром поеду прямо туда.

Он подмигивает, и я не могу скрыть смущения. Я сижу, покачивая ногой, живот наполняется теплом. Он оказывает

на меня такое же действие, как и в день нашей первой встречи.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спрашиваю я, поднимаюсь.

Подхожу к бару и попутно включаю стереосистему. Конечно, он хочет выпить, он всегда пьет по вечерам, когда мы вместе. Он признался, что тайно хранит в кабинете бутылку виски, и я тайно радуюсь своему дурному влиянию. Начинает петь Том Уэйтс, и я тянусь за графином с водкой.

Спрашивала я и про Вторник, но Сет рассказывает о ней не слишком охотно. Я всегда списывала это на ее особый авторитет, как первой жены. Первой жены, первой женщины, которую он полюбил. Немного мучительно осознавать, что я лишь второй выбор. Но я утешаю себя фактом, что я – законная жена Сета, что даже хотя они еще вместе, ему пришлось развестись с ней, чтобы жениться на мне. Мне не нравится Вторник. Она эгоистка – главную роль в ее жизни играет карьера, я же берегу это место для Сета. Но винить ее тоже неправильно. Его не бывает рядом по пять дней в неделю. У нас есть один плавающий день, который мы проводим с ним по очереди, но более сложная наша задача – заполнять неделю чем-то помимо Сета. В моем случае это всякая ерунда: гончарная мастерская, любовные романы и Netflix. А Вторник занимается карьерой. Я лезу в карман халата за гигиенической помадой. У нас есть целые жизни вне брака. Это единственный способ сохранить рассудок.

Опять на ужин пицца? – часто спрашивала я. Однажды он признался, что Вторник из тех, кто скорее заказывает еду, чем готовит.

Ты всегда придаешь такое значение кулинарным способностям, – поддразнивал он.

Я выставляю на стол два бокала и наполняю льдом. Слышу, как сзади движется Сет, поднявшись с дивана. Бутылка с содой шипит, я скручиваю крышку и наполняю бокалы. Прежде чем успеваю закончить, он подходит сзади и целует меня в шею. Я наклоняю голову, чтобы дать ему лучший доступ. Он берет у меня напиток и отходит к окну.

Я занимаю место на диване и наблюдаю за ним с влажным бокалом в руке.

Сет садится рядом со мной и ставит напиток на столик. Поглаживает меня по шее и смеется.

Его взгляд танцует, заигрывает. Я влюбилась в эти глаза, которые всегда лучатся весельем. Улыбнувшись ему уголком рта, я откидываюсь назад и наслаждаюсь, прижимаясь к его крепкому телу. Он водит пальцами по моей руке.

Что еще нужно обсудить? Мне важно быть в курсе всей его жизни.

– Как работа?

– Алекс... – начинает он, но тут же смолкает. Я наблюдаю, как он проводит большим пальцем по нижней губе. Люблю эту привычку.

Что он устроил на этот раз?

– Я снова поймал его на лжи.

Алекс – бизнес-партнер Сета; они вместе основали компанию. Сколько я помню, Алекс был лицом бизнеса: встречался с клиентами и нанимал сотрудников, а Сет действительно занимался строительством домов, улаживал дела с подрядчиками и инспекциями. Сет рассказывал, что первые разногласия возникли у них по поводу названия компании. Алекс хотел, чтобы в названии бизнеса было его имя, а Сет предпочитал видеть там Тихоокеанский Северо-Запад. В результате после долгих споров они назвали компанию «Эмеральд Сити Девелопмент». За последние годы внимание к деталям и изумительная красота построенных домов привели к ним нескольких крупных клиентов. С Алексом я не знакома, и он не знает о моем существовании. Он думает, жена Сета – Вторник. Когда Сет и Вторник ещё были женаты, они ездили отдыхать с Алексом и его женой – один раз на Гавайи и один раз на лыжный курорт в Банф. Я видела Алекса на фотографиях. Он чуть пониже своей жены, Барбары, бывшей «мисс Юта». Коренастый и лысеющий, он постоянно демонстрирует затаенное самодовольство.

Со сколькими же людьми я не знакома! Например, с родителями Сета и его друзьями детства. А если учесть, что я – вторая жена, возможно, и не познакомлюсь никогда. Ой, что-то я совсем замечталась! Кажется, меня зовут.

– Да? – откликаюсь я. – Что такое?

Все эти игры так утомительны! Женское проклятие. Быть

прямой, но не слишком. Быть сильной, но не слишком. Задавать вопросы, но не слишком много. Я делаю глоток и выпрямляюсь.

– Тебе интересно? Довольно странно, что ты спрашиваешь...

– Мне интересен ты, – с улыбкой, но твердо заверяю я. – Я хочу знать твой мир, что ты чувствуешь и переживаешь, когда не со мной.

И ведь это чистая правда! Я люблю мужа, но не могу похвастаться своей исключительностью. Есть и другие. Мое единственное оружие – знания. Я могу вмешаться в его планы, вытянуть информацию или изобразить равнодушие, и все с помощью нескольких удачных вопросов.

Сет вздыхает и трет ладонями глаза.

– Пойдем спать, – предлагает он.

Я всматриваюсь в его лицо. На сегодня он уже устал их всех обсуждать. Он протягивает мне руку и помогает подняться.

В этот раз мы занимаемся любовью, страстно целуясь, ещё я обхватываю его ногами. Мне не следует удивляться, но все же. Как мужчина может одновременно любить столько женщин? Почти каждый день новую. И на каком месте по предпочтительности нахожусь я?

Он быстро засыпает, а я нет. По четвергам мне не до сна.

В пятницу утром Сет уходит еще до моего пробуждения. Я крутилась в постели до четырех утра, а потом, видимо, заснула глубоким сном, потому что даже не слышала, как он ушел. Иногда я чувствую себя девочкой, которая проснулась одна в кровати после случайной связи, а мужчина сбежал прежде, чем она успела спросить, как его зовут. По пятницам я всегда подолгу лежу в кровати, уставившись на его примятую подушку, пока солнце не начинает светить прямо в глаза. Но в этот раз солнце только начинает настойчиво озарять горизонт, а я всё ещё не отвожу глаз от вмятины, словно от нее зависит моя жизнь.

По утрам особенно тяжело. В нормальном браке ты просыпаешься рядом с человеком, и его пропитанное сном тело наполняет жизнь смыслом. Есть рутина и расписание, они скучны, но при этом – с ними спокойнее. Мне же неведом покой нормальной жизни: храпящий муж, которого толкаешь ночью, или зубная паста на раковине, которую раздраженно стираешь. Присутствие Сета не ощущается в моем доме, и из-за этого у меня часто болит душа. Он едва показывается и снова уезжает, в постель к другой женщине, пока моя остается холодной и пустой.

С опаской смотрю на телефон. Не люблю писать ему – всегда представляю ежедневный поток сообщений от остальных

ных, но сегодня утром мне очень хочется взять телефон и написать ему: «Я скучаю». Он знает, конечно же знает. Если вы с мужем не видите пять дней в неделю, он должен понимать, что ты скучаешь. И я не трогаю телефон и не пишу сообщений. Решительно опускаю ноги на пол и просовываю в тапки, впиваясь пальцами в мягкий флис. Тапки – часть моей рутины, часть нормальной жизни. Я выхожу на кухню, выглядываю из окна на город, лежащий внизу. Змея красных тормозных огней застыла у перекрестка. Дворники машут туда-сюда, сметая с лобовых стекол мелкий дождь. Интересно, есть ли среди них машина Сета? Нет, обычно он уезжает по другому шоссе. Уезжает от меня.

Я открываю холодильник, достаю и ставлю на столешницу стеклянную бутылку колы. Копаюсь в ящике в поисках открывалки и ругаюсь, когда под ноготь попадает зубочистка. Палец приходится засунуть в рот, но снять крышку свободной рукой не составляет никакого труда. Я всегда держу в холодильнике только одну бутылку колы, а остальные прячу под раковиной, за лейкой. Выпивая эту одну бутылку, я каждый раз ставлю на ее место новую. Так кажется, что в холодильнике все время стоит одна и та же бутылка. Мне некого обманывать, кроме себя. Ну и возможно, я не хочу, чтобы Сет узнал, что я пью на завтрак колу. Он будет меня дразнить. Хоть я и не против, но все же не хочется, чтобы кто-то узнал о тебе подобные вещи. В детстве я единственная долго любила играть с Барби. Все мои подруги уже закончили это

занятие, а я все никак не желала расставаться со своей любовью. И это в десять-то лет, когда все уже переключились на косметику и МТВ и просили у родителей на Рождество новую одежду, а не кемпинговый фургон для кукол. Я ужасно стыдилась своей любви к Барби, особенно когда другие девочки уже начали обращать на это усиленное внимание и называть меня маленькой. В один из самых печальных дней детства я собрала всех Барби в коробку и убрала в шкаф. Я проплакала весь вечер, пока не уснула, – мне не хотелось расставаться с любимыми куклами, но и терпеть издевательства больше не было сил. Несколько недель спустя мама нашла коробку, когда разбирала стирку, и спросила, в чем дело. Я со слезами рассказала ей правду, заверила, что уже слишком взрослая для Барби, пора расставаться.

Ты можешь играть с ними тайно. Не обязательно кому-то рассказывать. Не нужно отказываться от того, что любишь, из-за чужого неодобрения, – сказала она.

Секреты! О, я умею их создавать и хранить.

Я вижу, перед уходом он готовил себе тост. Столешница усеяна хлебными крошками, в раковине лежит нож, блестящий от масла. Ругаю себя, что не встала раньше и не приготовила ему поест. *На следующей неделе, обещаю я себе. На следующей неделе буду лучше и накормлю мужа завтраком.* Буду женой, которая обеспечивает секс и еду три раза в день. Но внутри сжимается от тревоги – интересно, а Понедельник и Вторник готовят ему завтрак? А если они да, а

я все это время ленилась? Он считает меня нерадивой из-за того, что я остаюсь в кровати? Я счищаю крошки, смахивая их в ладонь, и сердито выбрасываю в раковину, потом беру колу и иду в гостиную. Делая глоток из холодной бутылки, я размышляю о собственных несовершенствах.

Когда я просыпаюсь некоторое время спустя, освещение меняется. Я сажусь и вижу опрокинутую бутылку колы, а вокруг – коричневое пятно от впитавшейся в ковер жидкости.

– Вот дура, – ругаюсь я и встаю. Видимо, заснула с бутылкой в руках. Последствие бессонной ночи. Спешу за тряпкой и пятновыводителем, опускаюсь на колени и яростно оттираю. Кола въелась в вязаный бежевый коврик, превратившись в липкую карамель. Я почему-то злюсь и чувствую, как по щекам текут слезы. Капли падают на пятно, я тру сильнее. Очистив ковер, опрокидываюсь назад и закрываю глаза. Что со мной случилось? Как я могла превратиться в такого покорного человека, живущего ради четвергов и любви мужчины, который столь скупое делит себя между тремя женщинами? Если бы в девятнадцать лет мне сказали, что моя жизнь превратится в это, я бы рассмеялась в лицо.

На следующей неделе будет пять лет, как он меня нашел. Я сидела в кофейне, готовилась в выпускному экзамену на медсестру – это препятствие казалось непреодолимым. Я не спала двое суток и дошла до такого состояния, что уже пила кофе как воду, просто чтобы не спать. Я покачивалась в крес-

ле в полубезумном состоянии, когда рядом со мной опустился Сет. Помню, что почувствовала раздражение. В кафе стояли пять свободных кресел; почему нужно садиться именно рядом со мной? Он был красив: блестящие черные волосы и бирюзовые глаза, свежий, ухоженный, обходительный. Он спросил, учусь ли я на медсестру, и я бросила какую-то резкость, но уже через секунду извинилась за грубость. Он отмахнулся от извинений и предложил меня поспрашивать.

Я рассмеялась и только потом поняла, что он серьезно.

– Вы хотите провести весь вечер пятницы, задавая медицинские вопросы полуживой студентке?

– Конечно, – ответил он со смешинкой в глазах. – Думаю, если мне удастся завоевать твое расположение, ты не откажешься сходить со мной на ужин.

Я помню, как нахмурилась, решив, что он шутит. Словно его друзья отправили унижить печальную девушку в углу. Он был слишком красив. Таких, как он, никогда не интересовали девушки вроде меня. Конечно, я не уродина, но и ничего особенного. Мама всегда говорила, что мне достались мозги, а моей сестре, Торренс, – красота.

– Вы серьезно?

Я вдруг застеснялась собранных в хвост волос и скромного макияжа.

– Только если ты любишь мексиканскую кухню. Я не стану встречаться с девушкой, которая не любит мексиканскую кухню.

– Я не люблю мексиканскую кухню, – сообщила я, и он с деланным ужасом схватился за сердце. Я рассмеялась – слишком красивый мужчина делает вид, что ему стало плохо в кафе.

– Шучу. Какой разумный человек не любит мексиканскую кухню?

Вопреки здравому смыслу и несмотря на безумное расписание, я согласилась пообедать с ним неделей позже. В конце концов, мне нужно было что-то есть. Когда я припарковала свой маленький выдавший вида «Форд» перед рестораном, то была вполне готова, что он не придет. Но как только вышла из машины, сразу увидела, что он ждет у входа и капли дождя падают на его шерстяное пальто.

Он был очарователен, расспрашивал меня об учебе, моей семье и дальнейших планах. Как чипсы в сальсу, я пыталась вспомнить, когда кто-нибудь так интересовался мной в последний раз. Увлеченная беседой, я охотно отвечала на каждый вопрос, а когда ужин закончился, вдруг поняла, что ничего о нем не знаю.

– Отложим это до следующей недели, – пообещал он, когда я озвучила наблюдение.

– А что, будет следующая неделя?

Он просто улыбнулся, и в тот момент я поняла, что влипла.

Я принимаю душ, одеваюсь и проверяю телефон только на

выходе из квартиры. Поскольку Сета не бывает по пять дней в неделю, я добровольно беру вечерние смены, которые никто не любит. Сидеть весь вечер одной дома и думать о том, как он проводит время с другими, невыносимо. Я предпочитаю занимать голову другими делами. По пятницам хожу в зал и на рынок. Иногда обедаю с подругой, но в последнее время все слишком заняты, чтобы встречаться. Многие из моих подруг либо недавно вышли замуж, либо родили детей, и наши жизни сосредоточились на работе и семьях.

На экране появляется сообщение от Сета: *«Уже скучаю. Жду следующей недели».*

Я натянуто улыбаюсь и нажимаю кнопку лифта. Легко ему говорить, как он скучает, – с ним ведь всегда кто-то есть. Но я не должна так думать. Я знаю, он любит каждую из нас и скучает по каждой.

Чтобы ответ не получился слишком обычным, пытаюсь шутить: *«Заказать пиццу, когда приедешь в следующий раз?»*

Он сразу отвечает, присылая смеющееся сквозь слезы эмодзи. Как люди вообще жили без эмодзи? Это единственный способ облегчить перегруженное предложение.

Я кладу телефон обратно в сумку и захожу в лифт, на губах играет улыбка. Даже в самые тяжелые дни сообщение от Сета способно исправить ситуацию. А тяжелые дни бывают часто – дни, когда я ощущаю свою роль в его жизни слишком слабо и неуверенно.

Я люблю каждую из вас по-разному, но одинаково сильно.

Я бы хотела знать, что конкретно это значит. Речь о сексе? Эмоциях? И если бы ему пришлось выбирать под дулом пистолета – он бы выбрал меня?

Когда Сет впервые рассказал мне о жене, мы сидели в итальянском ресторане «Ля Шпига» в Кэпитол-Хилл. Это было наше четвертое свидание. Неловкость первого знакомства ушла, и отношения перешли в более расслабленную стадию. Мы уже держались за руки... Целовались. Он сказал, что хочет со мной о чем-то поговорить, и я ожидала разговор о будущем наших отношений. Как только прозвучало слово *жена*, я опустила вилку, вытерла губы, взяла сумку и ушла. Он выбежал за мной на улицу, когда я останавливала такси, а за ним выбежал официант, требуя, чтобы мы оплатили наполовину съеденную еду. Мы все неловко стояли на тротуаре, пока Сет не уговорил меня вернуться. Я сомневалась, но часть меня все же хотела послушать, что он скажет. *Что* тут вообще можно было сказать? Как можно оправдать такое?

– Поверь, я знаю, как это звучит. – Он сделал долгий глоток вина, прежде чем продолжить. – Но дело не в сексе. У меня нет дурных наклонностей, если ты так подумала.

Именно так я и подумала. Я сложила руки на груди и ждала, краем глаза наблюдая за официантом, который старался не выпускать нас из виду. Видимо, боялся очередного побега и неоплаченного счета.

– Мой отец, – начал он. Я закатила глаза. Половина оправ-

даний начинается с фразы «мой отец». Тем не менее я ждала продолжения. Я была женщиной слова.

Прозвучали слова:

– Мои родители... Полигамны... Четыре матери...

Я изумленно пялилась на него. Я почти залезла к мужчине в штаны, и вдруг оказалось, у него уже есть женщина! Сначала я подумала, что это ложь, дурная шутка, но увидела что-то в его глазах. Он дал мне осторожную крупицу информации и ждал реакции. Я не знала, что сказать. Что там можно было ответить? Такие вещи видишь по телевизору, а в реальной жизни...

– Я вырос в Юте, – продолжил он. – Но уехал, как только мне исполнилось восемнадцать. И клялся, что я против всех их убеждений.

– Я не понимаю.

Я и правда не понимала. Вся напряглась, сцепила под столом руки, впиалась ногтями в ладони.

Он провел рукой по лицу, внезапно постарев лет на десять.

– Моя жена не хочет детей, – сказал он. – А я не из тех, кто станет заставлять.

Тогда я посмотрела на него другими глазами – как на отца с одним ребенком на плечах и другим возле ног. Мороженое по воскресеньям и игры в тибол. Те же мечты, что и у меня, у большинства из нас.

– И при чем тут я? Ты ищешь самку и я подхожу? – враж-

дебно выпалила я, но прозвучало все не слишком убедительно. Почему он выбрал именно меня, и кто вообще сказал, что я хочу детей?

Похоже, мое обвинение его сильно задело, но я не переживала, что причиняю боль. Меня тошнило от типов вроде него. Но я вернулась его выслушать и выслушаю. Хотя пока все звучало совершенно абсурдно. У него была жена, но он хотел новую. Чтобы создать семью. Кем он себя возомнил? Меня тошнило, и я ему об этом сказала.

– Понимаю, – понуро ответил он. – Прекрасно понимаю.

Потом он оплатил счет, я холодно попрощалась, и мы разошлись в разные стороны. Как он потом признался, он думал, что больше никогда меня не увидит, но я вернулась домой и всю ночь крутилась в постели без сна.

Он все равно мне нравился. Очень, очень нравился. В нем что-то было – харизма, может, или восприимчивость. В любом случае рядом с ним я никогда не чувствовала себя незначительной. Не то что с мальчиками из колледжа, которые смотрели лишь на собственное отражение в твоих глазах и считали тебя «проходным» вариантом. Оставаясь с Сетом, я чувствовала себя единственной. Но я заставила себя отбросить эмоции и страдала из-за внезапного конца многообещающих, как мне казалось, отношений. И даже сходила на два свидания – с пожарным из Белвью и владельцем малого бизнеса из Сиэтла. Оба закончились ужасно, стоило только сравнить мужчин с Сетом. А потом, примерно месяц спустя,

тоскую по едва знакомому мужчине куда сильнее, чем следует, я не выдержала и позвонила ему.

– Я скучаю! – выпалила я, едва он взял трубку. – Не хочу скучать, но скучаю.

А потом спросила, знает ли его жена, что он ищет кого-то еще, чтобы заиметь детей. На той стороне линии повисла долгая пауза, дольше, чем могло мне понравиться. Я хотела сказать уже, чтобы он забыл о вопросе, когда он выдохнул:

– Да.

– погоди, – я сильнее прижала к уху трубку, – ты сказал да?

– Мы вместе с ней пришли к такому решению, – уже более уверенно продолжил он. – Что мне нужен кто-то, разделяющий мои желания.

– Ты сказал ей?

– После первого свидания. Мне показалось, что это может быть серьезно, и я ей сказал. Я знал, что рискую, но между нами что-то возникло. Духовная связь.

– И она отнеслась спокойно?

– Нет... Да. То есть все непросто. Сказала, что нам надо все обдумать. Что она любит меня, но понимает.

Я молчала, переваривая каждое его слово.

– Мы можем увидеться? – спросил он. – Просто выпьем или закажем кофе.

Я хотела отказать, быть сильной, решительной, бескомпромиссной женщиной. Но вместо этого договорилась

встретиться с ним через неделю в местной кофейне. Положив трубку, я напредила себе, что позвонила ему сама и он мной не манипулировал. *Все под контролем*, – сказала я себе. – *Ты станешь его законной женой*. Как же я ошибалась!

Воскресным утром я возвращаюсь после смены домой и валюсь на кровать. Ночь была долгая, изматывающая физически и морально. На Пятом шоссе случилась авария с участием десяти машин, и к нам привезли двенадцать человек, а потом приехал мужчина с тремя пулями в животе, которого подстрелила жена. Она ворвалась к нам через десять минут, с ребенком на руках, в насквозь промокшей от крови желтой рубашке. Кричала, что все это было ошибкой. Каждая ночная смена в «Скорой помощи» напоминает эпизод фильма ужасов: открытые раны, плач, боль. К утру полы становятся липкими от крови и скользкими от рвоты. Я ношу черную униформу, чтобы грязь было не так заметно.

Я начинаю засыпать, но вдруг слышу, как открывается и закрывается входная дверь, а потом раздается гудок поезда. Гудок – предостережение системы безопасности. Я резко сажусь в кровати, широко открыв глаза. Это случилось во сне или наяву? Сет в Портленде; он написал мне прошлым вечером и не говорил, что собирается приезжать. Я жду, замерев на месте, обратившись в слух – готовая выскочить из кровати и...

Сердце бешено стучит, я лихорадочно оглядываюсь по сторонам в поисках оружия. Пистолет, который папа подарил мне на двадцать первый день рождения, спрятан где-

то в шкафу. Я пытаюсь вспомнить где, но трясусь от страха. Значит, нужно другое... Моя спальня состоит из мягких, женственных предметов; под рукой нет ничего подходящего. Я сбрасываю одеяло и поднимаюсь на ноги. Я глупая, беззащитная девочка, у которой есть пистолет, но которая не знает, где он и как его использовать. Я что, забыла запереть дверь? Пришла домой, засыпая на ходу, сбросила обувь... И вдруг из прихожей раздается мамин голос, зовущий меня по имени. Паника отступает, но сердце продолжает стучать. Я прикладываю к нему руку, закрываю глаза. Раздается звон – когда мама двигается, она звенит. Я расслабляюсь, облегченно опуская плечи. Все правильно. Она собиралась сегодня приехать, мы договорились пообедать. Как я могла забыть? *Ты устала, тебе надо поспать*, – твержу я себе. Поправляю перед зеркалом волосы, протираю заспанные глаза и выхожу из спальни в коридор. Пытаюсь изобразить бодрость.

– Мам, привет. – Я подхожу и быстро обнимаю ее. – Я только пришла. Прости, не было времени принять душ.

Мама делает шаг назад и осматривает меня; ее идеальная прическа немного видна в скупом свете из окна, и я вижу, что у нее новое мелирование.

– Выглядишь потрясающе, – говорю я. Причем, совершенно искренне, ведь это правда.

– А ты выглядишь усталой, – качает головой она. – Может, сходишь в ванную, а я пока приготовлю нам обед, чтобы никуда не идти?

Мною распоряжаются в собственном доме. Удивительно, но рядом с ней я каждый раз чувствую себя подростком.

Я благодарно киваю, несмотря на ее тон. После сегодняшней ночи о сборах и походе в ресторан страшно даже подумать.

Быстро принимаю душ и выхожу, обернувшись полотенцем. Мама уже приготовила круассаны с куриным салатом. Рядом с моей тарелкой стоит высокая мимоза. Я с облегчением опускаюсь на стул. Недавно заполненный холодильник ее не разочаровал. Я научилась готовить, наблюдая за ней, и главное, чему она меня научила – в холодильнике всегда должны быть продукты на случай, если вдруг неожиданно придется кого-то кормить.

– Как Сет? – Она садится напротив, и это первый вопрос. Моя мама: всегда по делу, всегда вовремя, всегда организованная. Идеальная жена и домохозяйка.

– Приезжал в четверг, очень уставший. У нас почти не было возможности поговорить.

Это правда. Боюсь, мой голос выдал больше, чем следует, но когда я поднимаю взгляд, она занята едой.

– Бедняга, – замечает она, решительно разрезая круассан. Рука соскакивает, и она недовольно поджимает губы. – Все эти поездки туда-сюда. Я понимаю, решение было правильным для вас обоих, но все равно это очень тяжело.

Она называет решение правильным только для того, чтобы не расстраивать меня. Раньше она вполне ясно дала мне

понять, что моя обязанность – быть с Сетом, что я должна оставить работу и последовать за ним. Она ворчала из-за нашего брака, а теперь благополучно переключилась на тему ребенка.

Я киваю. Совершенно не хочется вступать с ней в дискуссию. Она всегда находит способ заставить меня почувствовать себя плохой женой. Чаще всего речь о ребенке. Она думает, муж перестанет меня любить, если моя матка не будет работать. Я могла бы успокоить ее, что кроме меня у Сета есть другая жена, точнее две, и они заполняют мои пробелы. Одна растит в себе его ребенка прямо сейчас.

– Ты можешь сдать эту квартиру и переехать к нему в Орегон, – предлагает она. – Там не так плохо. Мы прожили там год, когда тебе было два, в доме бабушки. Ты всегда так любила тот дом.

Будто я не знаю. Будто не слышала этих историй.

– Не могу, – возражаю, набив рот. – Два дня в неделю ему приходится ездить в Сиэтл. Нам все равно нужно здесь жилье. Кроме того, я не хочу уезжать. Здесь вся моя жизнь, все друзья и любимая работа. *Правда, правда, не правда.* Мне никогда не нравился Портленд; всегда напоминал Сиэтл для бедных: те же декорации, похожая погода, но неопрятный город. Здесь прожили всю жизнь и умерли мои бабушка с дедушкой. Кроме основного дома у них был курортный дом на юге, рядом с Калифорнией. Мысли о Портленде вызывают у меня приступ клаустрофобии.

Мама смотрит неодобрительно, на жемчужно-розовом ногте белеет пятно майонеза. В этом плане она старомодна. Считает, что жена должна следовать за мужем повсюду, иначе он может ей изменить. Если бы она только знала!

— Так мы договорились, и это главное, — твердо заявляю я. И добавляю, чтобы ее успокоить: — На данный момент.

Это все правда. Сет — строитель. Недавно он открыл новый офис в Портленде, и пока его партнер, Алекс, руководит подразделением в Сиэтле, Сет проводит большую часть недели в Портленде, наблюдая за тамошними проектами.

Понедельник и Вторник живут там, в городе. *Они* видят его гораздо чаще, и я схожу с ума от зависти. Он часто обедает с кем-нибудь из них днем — недоступная мне роскошь, потому что большую часть четверга он проводит в дороге. Пятничные дни он проводит в офисе в Сиэтле, а потом иногда встречается со мной для совместного ужина, прежде чем уехать обратно в Портленд в субботу. Общий день мы пока пропускаем, планируя возместить его путешествием, но если учесть, что в Орегоне у него две жены, я начинаю подозревать, что так будет всегда. Тяжело быть частью чего-то столь необычного и не иметь возможности это с кем-нибудь обсудить. Никто из моих друзей не в курсе, хотя несколько раз я чуть не призналась своей лучшей подруге Анне.

Иногда у меня возникает желание связаться с одной из других жен, иметь группу поддержки. Но Сет хочет, чтобы все было иначе, чем у его родителей. Мы, жены, друг с дру-

гом не контактируем, и я даже не пыталась шпионить, уважая его желание. Я даже не знаю их имен.

– Когда вы планируете ребенка? – спрашивает мама.

Опять. Это происходит каждый раз, когда мы встречаемся, и мне уже порядком надоело. Правды она не знает, и мне не хватает решимости ей признаться.

– Если ты родишь, ему придется бывать здесь чаще, – заговорщически произносит она.

Я смотрю на нее с открытым ртом. Мы с сестрой были смыслом маминой жизни. Наши успехи были ее успехами, наши неудачи – ее неудачами. Думаю, жить ради детей, пока ты их растишь, – нормально и правильно, но что потом? Когда у них начинается своя жизнь, а ты остаешься ни с чем: без увлечений, без карьеры, без личности.

– Мама, ты предлагаешь мне привязать Сета с помощью ребенка? – уточняю я, опустив вилку и изумленно глядя на нее.

Моя мама – человек непредсказуемый и часто говорит бесцеремонные вещи. Но советовать мне забеременеть, чтобы удержать мужа дома, – это уже слишком, даже для нее.

– Ну, некоторые так делают... – Она немного теряется, отводит взгляд. Чувствует, что зашла слишком далеко. Меня охватывает чувство вины. Я так и не рассказала маме о срочной гистерэктомии. Тогда я не хотела обсуждать произошедшее, а если признаюсь только теперь, это расстроит ее еще сильнее.

– Я не такая. У нас не такие отношения. Да и кто заменит Сета в Портленде? Речь о наших деньгах и о нашем будущем.

Да, не только моем. Сету приходится содержать довольно большую семью. Я закрываю лицо руками, мама встает и обходит стол, чтобы меня утешить.

– Прости, детка, – извиняется она, используя мое домашнее прозвище. – Я перешла черту. Это твоя семья, и тебе виднее.

Я одобрительно киваю, поднимаю упавший кусочек из куриного салата и слизываю с пальца. Ситуация ненормальная, и если мы с Сетом хотим двигаться дальше, придется обсудить с ним мои чувства. Я очень долго делала вид, что все хорошо, и он понятия не имеет о моих проблемах. Это несправедливо и по отношению к нему, и по отношению ко мне.

Мама уезжает через час, пообещав сводить меня в понедельник на обед.

– Поспи, – говорит она, обнимая меня.

Я закрываю за ней дверь и с облегчением выдыхаю.

Я ужасно устала, но вместо возвращения в кровать открываю дверь маленькой гардеробной Сета. Несмотря на частое отсутствие, он хранит здесь часть одежды. Провожу рукой по пиджакам и брюкам, подношу к носу рубашку, чтобы вдохнуть его аромат. Я очень люблю его и, несмотря на необычность ситуации, не могу представить в качестве мужа кого-то другого. Ведь это и есть любовь, верно? Принимать партнера таким, какой он есть. А у моего есть две другие женщины.

Я уже собираюсь выключить свет и уйти, как замечаю одну деталь. Из кармана брюк торчит уголок какой-то бумажки. Вытаскиваю ее, сперва из беспокойства, что штаны постираются вместе с бумагой, но когда она оказывается в руках, мне становится любопытно. Листок сложен в аккуратный квадратик. Несколько секунд держу его на ладони, а потом разворачиваю. Медицинский счет. Я просматриваю написанное, пытаюсь узнать, плановая ли это проверка или с Сетом что-то не так, но его имени на листочке нет. Счет выписан на Ханну Оварк, и сверху в углу указан ее адрес – 324, Галатия-Лейн, Портленд, Орегон. Врач Сета живет в Сиэтле.

– Ханна, – повторяю я вслух. Судя по чеку, она ходила на обследование и анализы. Может, Ханна... Понедельник?

Выключаю в гардеробной свет и несу бумажку в гостиную, не зная, как поступить дальше. Расспросить Сета или сделать вид, что я ничего не видела? Мой макбук стоит рядом с диваном. Я ставлю его на колени и захожу на Фейсбук. Меня охватывает смутное чувство, словно я нарушаю какое-то правило.

Ввожу ее имя в строку поиска и стучу пальцами по коленке, дожидаясь результата. Появляется три профиля: женщина лет сорока из Атланты; девочка-подросток с розовыми волосами. Я выбираю третий профиль. Сет упоминал, что Понедельник – блондинка, но больше ничего не рассказывал о ее внешности. Я смотрю на Ханну Оварк, и все мои представления рушатся. Она не занимается серфингом, и в ней

нет невинности, на которую я надеялась. Довольно резко хлопнув ноутбук, я направляюсь в ванную искать таблетки от бессонницы. Мне очень нужно поспать. Я чувствую себя странно и начинаю воспринимать реальность искаженно.

Ряд оранжевых пузырьков смотрит на меня из аптечки. Маленькие обереги на самые разные случаи жизни, от оцепенелой апатии до постоянной тревоги. Беру снотворное, кладу в рот таблетку. Запиваю ее прямо из-под крана, сворачиваюсь на кровати и дожидаясь погружения в забытие.

Проснувшись, я чувствую себя разбитой и слабой. За окном высоко в небе светит солнце, но разве я заснула не ранним вечером? Смотрю на часы и понимаю, что проспала почти тринадцать часов. Слишком быстро вскакиваю с кровати, и комната вокруг расплывается.

– Черт, черт, черт.

Хватаюсь за стену, чтобы не упасть, и стою так, пока не возвращается равновесие. Телефон лежит на тумбочке экраном вниз, батарея почти села. Я вижу семь пропущенных от Сета и три голосовых сообщения. Перезваниваю, не слушая сообщения; чувство ужаса нарастает с каждым гудком.

– Ты в порядке? – первое, что он спрашивает, сняв трубку. Голос напряженный, и мне сразу становится стыдно, что я заставила его волноваться.

– Да, в порядке, – отвечаю я. – Приняла снотворное и вырубилась на всю ночь. Прости, мне очень стыдно.

– Я беспокоился, – уже менее взволнованно говорит он. – Уже собирался звонить в больницу, чтобы узнать, когда ты ушла.

– Прости пожалуйста, – повторяю я. – У тебя там все в порядке?

Нет. Я уже определила это по голосу. Но он ведь не мог узнать, что я нашла Ханну, правда? Я жду, пока он загово-

рит, накручивая на палец прядь волос.

– Просто проблемы на работе. Ненадежные подрядчики. Не могу сейчас об этом говорить. Просто хотел услышать твой голос.

Внутри все сжимается – он хотел услышать мой голос. Не чей-то еще. А мой.

– Хочу с тобой увидеться.

– Может, отпросишься с работы? Приедешь в Портленд, проведешь со мной несколько дней...

От восторга у меня чуть не вываливается трубка из рук.

– Правда? Ты... хочешь?

Я смотрюсь в зеркало. Волосы длиннее, чем обычно; им нужен профессиональный уход. Я беру в руку безжизненную прядь, размышляя, успеет ли мой стилист принять меня до отъезда. Небольшой отпуск – отличный повод привести себя в порядок.

– Конечно, – отвечает он. – Приезжай завтра. У нас с тобой столько неиспользованных дней.

Я обвожу взглядом спальню, выбеленное дерево и плетеные корзины. Может, смена обстановки – как раз то что нужно. В последнее время я сама не своя.

– Но где мне остановиться?

– погоди секунду... – приглушенно просит он, и я слышу, как на том конце провода ему что-то говорят. – Мне пора. Забронирую тебе номер в «Досьер». Увидимся завтра?

Я хочу спросить его про Понедельник и Вторник, собира-

ется ли он пропускать их дни ради моего, но он торопится.

– Я так рада. До завтра. Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, малыш, – заверяет он и кладет трубку.

Я сразу звоню на работу и отпрашиваюсь с трех смен, а потом стилисту – она говорит, что у нее отмена и она ждет меня через час. Два часа спустя я уже дома, с новой стрижкой, и направляюсь к шкафу собирать вещи. Я не вспоминаю про найденную бумажку или Ханну Оварк, пока не начинаю искать Макбук, который планирую взять с собой. На экране все еще открыт Фейсбук, и на меня смотрит ее улыбающееся лицо. Уставившись на свидетельство своих прошлых изысканий, опускаюсь на диван. При свете дня я почему-то чувствую себя скованно. Нерешительно вожу мышкой по ссылке на ее страницу. Когда я узнаю про нее, обратного пути не будет, увиденное навсегда отпечатается в моей памяти. Задержав дыхание, я щелкаю мышкой, но когда страница загружается, вижу, что вся информация закрыта. Нахмурившись, я закрываю браузер и выключаю компьютер.

Ханна больше похожа на супермодель, чем на любительницу серфинга. Идеальные пухлые губы и скулы, которые видишь только у скандинавских моделей.

Проснувшись на следующее утро, я по-прежнему думаю о Ханне. Пытаюсь выбросить из головы ее лицо, пока несу сумку с вещами на парковку. Но в последний момент разворачиваюсь, вызываю лифт, поднимаюсь наверх и, забрав с

тумбочки бумагу, убираю ее в самый глубокий и секретный карман кошелька. Просто на случай, если мне понадобится ее адрес. *Но зачем он может мне понадобиться?* – спрашиваю я у себя, пристегиваюсь и выезжаю с парковки.

Просто на всякий случай... На случай, если я захочу посмотреть, как она выглядит в реальной жизни. На случай, если я захочу с ней поговорить. На всякий случай. Это ведь мое право, верно? Знать, с кем я делю мужа... Я устала гадать.

Если дорожные боги будут милостивы, поездка в Портленд займет около двух часов. Я до конца опускаю окно и включаю музыку. Когда волосы превращаются в один большой колтун, я решаю сделать с музыкой перерыв и позвонить лучшей подруге, Анне. Несколько месяцев назад Анна переехала в Калифорнию, на Венис-Бич, к парню, с которым познакомилась через Интернет.

– Здорово, что ты едешь к нему, – говорит она. – Купила новое белье?

– Нет! Но хорошая идея. Можно будет остановиться где-нибудь по дороге и выбрать. Как думаешь, лучше сексуальное и вызывающее или сексуальное и красивое?

– Определенно вызывающее. Мужчинам нравится представлять, что они трахаются со шлюхой.

Я смеюсь ее грубости.

– Эй, – начинает она после повисшей паузы, – как ты, после того...

– Нормально, – вырывается у меня. Я меняю тему прежде, чем она успевает продолжить. Сегодня я не хочу это обсуждать. Сегодня меня ждет вечер с Сетом. – Слушай, мне пора. Уже подъезжаю к отелю. Созвонимся на следующей неделе?

– Конечно, – отвечает она, но голос ее звучит как-то неуверенно. Узнаю Анну, вечно она волнуется. Мы вместе ходили в старшую школу и были соседками по комнате в колледже. Когда я познакомила ее с Сетом, он ей очень понравился, но постепенно ситуация изменилась, она отдалилась и начала относиться к нему с неприязнью. Истинное положение дел я предпочла держать от нее в секрете, как и от всех остальных, так что Анна понятия не имеет о других женах. Думаю, когда Анна узнала Сета поближе, он просто утратил для нее привлекательность. У нас с Анной очень разные вкусы в мужчинах, и мне почти никогда не нравятся ее парни. Разве же можно винить её в том, что ей не нравится мой муж?

Я паркуюсь сама, избегая портье, чтобы ускользнуть до прихода Сета и выбрать в магазине что-нибудь сексуальное. В голове возникает фотография Ханны. Неудивительно, что Сет не хотел ничего о ней рассказывать. Зайдя в номер, я пристально изучаю в зеркале собственное лицо, гадая, что Сет во мне нашел. Я всегда считала себя не слишком привлекательной, обычной девчонкой. Если у тебя есть женщина вроде Ханны, зачем нужна такая, как я, со скучными каштановыми волосами и веснушками на носу? У меня хорошая

фигура – грудь притягивает мужские взгляды с шестнадцати лет, но я не высокая и не стройная и далеко не изящна. У меня круглые бедра и круглый зад. Сет, самопровозглашенный любитель задниц, каждый раз хватается меня ниже спины, когда мы обнимаемся. С ним я всегда чувствовала себя красивой и сексуальной – пока не увидела Ханну. Либо он любит разнообразие, либо собирает жен просто ради коллекции. После фотографии Ханны мне стало любопытно, как выглядит Вторник, но Сет ни за что не назовет мне ее имя. Он и так придет в ярость, если узнает, что я подглядывала за его беременной женой из Портленда.

Я смотрю на часы и понимаю, что пора обедать. Принимаю решение доехать до торгового центра и поесть прямо там. Портленд гораздо скромнее Сиэтла, полного оживленных улиц и спешащих пешеходов. На узких улочках скромного городка ориентироваться непросто, и я заезжаю на крытую парковку в квартале от магазина. Добравшись до него, подбираю кружевной черный бюстгальтер с трусиками и прозрачный пеньюар, отношу покупки на кассу.

– Еще что-нибудь? – спрашивает продавщица, обходя кассу, чтобы отдать мне покупку.

– Да, – слышу я собственный голос. – Не подскажете, далеко ли Галатия-Лейн? Я не местная.

– Ой, это на окраине города. Километров шесть. Милая улочка, с красивыми викторианскими домами.

– Ага, – улыбаюсь я. – Спасибо.

Я приезжаю прямо туда и резко останавливаюсь – раздаётся скрежет тормозов. Вытягиваю шею, рассматриваю дома, крепко вцепившись руками в руль. Ещё не поздно уехать. Достаточно переключить передачу, нажать на педаль газа и не оборачиваться. Я задумчиво постукиваю пальцем, переводя взгляд с дома на дом. Раз я уже здесь – почему бы не оглядеться? Даже если Ханна Оварк не Понедельник, место здесь очень красивое.

Оставив сумку на переднем сиденье, я выхожу из машины и иду по тротуару, восхищенно разглядывая дома. Они похожи на пряничные домики: широкие башенки, ящики для цветов, белые деревянные заборы. Дома окрашены в цвета детской мечты – нежно-розовый, тиффани и даже в цвет мятного мороженого с шоколадной крошкой темно-коричневых ставень. При виде такого возникает ассоциация с застрявшими между зубами твердыми кусочками шоколада. Прямо ностальгическое место! Какая досадная ирония, что Понедельник поселилась именно здесь! Я вспоминаю свой район, безликий, как десятки других – там люди живут вертикально, в маленьких клетушках в небе. Никакой магии, никакого мятного мороженого с шоколадной крошкой, лишь долгие поездки на лифте и городские виды. Интересно, каково жить в месте вроде этого? Я так увлечена собственными мыслями, что прохожу мимо дома с номером 324 и приходится возвращаться.

Дом Ханны – кремовый с черной матовой дверью. На ок-

нах зеленые ставни и цветочные ящики с маленькими вечнозелеными растениями. В саду множество растений – тоже вечнозеленых, а не цветов. Я мысленно одобряю ее предпочтение, ведь цветы погибают каждый год. Минут пять я стою и восхищенно рассматриваю все вокруг и вдруг подпрыгиваю от неожиданности, услышав голос.

– Черт. – Я хватаюсь рукой за сердце. Оборачиваюсь и вижу, что она тоже смотрит на дом, блондинка с тонкими прядями, обрамляющими лицо. Она наклоняет голову набок, словно также внимательно изучает его.

– Красивый, правда?

Я всматриваюсь в ее лицо. Запоздалое узнавание – так обычно бывает, когда лично сталкиваешься с человеком, которого знаешь только через Интернет. Приходится сопоставлять черты, откорректированную кожу с настоящей.

Ханна! Сердце чуть не выпрыгивает у меня из груди. Я нарушила правило, условие контракта. Мне всегда было интересно, почему олени не убегают, когда видят, что на них движется машина. А теперь и я сама словно окаменела, сердце ушло в пятки.

– Да, – соглашаюсь я, не зная, что сказать. – Он ваш?

– Да, – подтверждает она, сияя от радости. – Принадлежал мужу еще до того, как мы поженились. После свадьбы мы сделали реконструкцию. Столько работы! – закатывает она глаза. – К счастью, мой муж этим зарабатывает, так что он руководил процессом.

Я люблю вас одинаково, так ведь он всегда говорил? Одинаково! Только ее дом словно сошел со страниц журнала, а я чахну в высотке. Очевидно, она из тех, кому покупают дома, а таким, как я, дарят открытки. На ней кимоно с цветочным рисунком, майка и джинсы. Над поясом виднеется полоска живота, гладкая и упругая. Неудивительно, что Сет не хотел нас знакомить, я бы умерла от неуверенности.

– Хотите зайти, посмотреть? – вдруг предлагает она. – Люди часто стучатся и просят провести экскурсию. Никогда не думала, что дом сделает меня такой популярной.

Ханна хрипловато смеется, и я предполагаю, что она курит. *Уже нет*, – напоминаю я себе, глядя на ее живот. Но он слишком плоский, чтобы таить жизнь, слишком впалый. Мысли о ее беременности вызывают у меня фантазии – ее длинные ноги, обхватившие Сета, и он, неустанно проникающий внутрь нее.

– Да, с удовольствием, – слова срываются с губ прежде, чем я успеваю сдержаться. *Да, с удовольствием*. Еще не поздно передумать. Но вместо этого я иду за ней по дорожке к передней двери и жду, пока она достанет ключ. На связке болтается брелок, маленькая пластиковая сандалия. Большая часть надписи стерлась, но по оставшимся буквам можно догадаться, что это сувенир из Мексики. У меня внутри все сжимается. Она ездила туда с Сетом? Господи, я столько всего не знаю. Ханна возится с замком, я слышу тихое ругательство.

– Вечно застревает, – объясняет она и наконец поворачивает ключ.

Прежде чем проскользнуть за ней, я на несколько секунд оборачиваюсь, чтобы убедиться, что вокруг никого нет. *Это не твой район*, – думаю я. – *Какая разница, даже если кто-то увидит?* Ханна еще красивее, чем на фотографиях, и к тому же очень милая. Достаточно милая, чтобы устроить экскурсию по дому незнакомому, чужому человеку. *Не настолько уж чужому*, – думаю я, следуя за ней в дом. В конце концов, у нас общий пенис.

Я едва сдерживаю истерический смех, и вдруг у меня перехватывает дыхание. Приходится прокашляться, чтобы прочистить горло, пока Ханна вешает ключи на богато украшенный крючок и с улыбкой обводит вокруг себя рукой. Дом поскрипывает, мягко напоминая о своем возрасте. Безупречные, сверкающие полы из красного дерева, вроде тех, что я хотела положить в квартире. Сет не одобрил мой выбор – ему хотелось что-нибудь посовременнее, и мы сошлись на варианте шиферно-серого пола. Я останавливаюсь у подножия резной лестницы, пытаюсь понять, нужно ли разуваться. Меня посещает странное чувство, будто я бывала здесь раньше, хоть я и понимаю, что это невозможно. Ханна ничего не говорит, и я разуваясь, оставив обувь возле лестницы. Пара ярко-розовых туфель среди кремовых оттенков. Справа стоит антикварный столик, на нем – ваза с яркой бугенвиллией. Семейных фотографий нигде не видно, и я чувствую

облегчение. Каково будет увидеть собственного мужа на семейных снимках с другой женщиной? Все обставлено с идеальным вкусом. У Ханны отличное чувство стиля.

– Изумительно, – выдыхаю я, жадно оглядывая обстановку.

Ханна, которая тоже сняла обувь и надела тапочки, улыбается в ответ. У нее острые розовые нордические скулы. У Сета лицо тоже угловатое, квадратная челюсть и длинный прямой нос. Интересно, что за божественное создание у них получится... Меня потряхивает при мысли об их ребенке. *Их ребенку. Их поездке в Мексику. Их доме.*

– Кстати, я Ханна, – представляется она и ведет меня наверх. И рассказывает, что сто лет назад этот дом один мужчина построил для своей новой жены. Ну что же, замечательно! А теперь вот в нем живет новая, улучшенная жена Сета. Я согласилась на все это всего год назад – наши планы разрушились, но любовь осталась. Я хотела угодить ему, как, видимо, хотела и Вторник, когда соглашалась на меня.

Она проводит меня через несколько спален и две отреставрированные ваннные комнаты. Я высматриваю фотографии, но их по-прежнему нет. Потом она ведет меня вниз, показать гостиную и кухню. В кухню я влюбляюсь с первого взгляда. В три раза больше моей крохотной кухоньки – там достаточно места, чтобы приготовить несколько пиров одновременно. Проследив за моим взглядом, Ханна широко улыбается.

– Она не всегда была такой большой. Я решила пожертво-

вать второй гостиной, чтобы расширить кухню. Мы любим развлекаться.

– Здорово!

– Тут были желтые шкафы и черно-белый клетчатый пол. – Она морщит нос. Я представляю старинную кухню с промасленными шкафами, возможно, вручную покрашенными первым владельцем.

– Мы ее ненавидели. Наверное, другие видят в подобных вещах очарование старины, но мне не терпелось ее сменить.

Мы! Очередной шок. Мой Сет не любит развлекаться. Я пытаюсь представить, как он стоит под яркими лучами потолочного освещения и режет на мраморной доске лук, пока Ханна достает что-то из духовки. Это слишком. У меня вдруг начинает кружиться голова. Я поднимаю руку к лицу и хватаюсь за стул.

– Вы в порядке? – обеспокоенно спрашивает Ханна. Она вытаскивает из-под столешницы стул, и я сажусь.

– Давайте налью воды, – предлагает она.

Ханна приносит высокий стакан с водой, и я пью, пытаюсь вспомнить, когда пила в последний раз. Чай за обедом и бокал розового вина. Вероятно, у меня обезвоживание.

– Послушай, Ханна, ты ведь пустила в дом незнакомого человека. Я могу оказаться, например, маньяком. А ты наливаешь мне воду, – удивляюсь я, покачивая головой. – Так нельзя.

Она проказливо улыбается, глядя на меня озорным взгля-

дом. Она значительно моложе меня, но в ней есть нечто величественное и старомодное. Не представляю, чтобы она выпила слишком много коктейлей и всю ночь блевала в туалете, как я в подростковые годы. Нет, эта женщина слишком собрана, слишком ответственна и слишком хорошо воспитана. Я поняла, что так зацепило Сета – элегантность. Идеальная мать идеального ребенка.

– Думаю, сейчас подходящее время перекусить. Я не ела, – игриво замечает она, что-то бубнит себе под нос и идет к холодильнику, а потом к буфету. И возвращается с деревянной доской, на которой виднеются разные сыры, крекеры и фрукты, разложенные очень художественно и по-взрослому. Я чувствую симпатию к ней, к ее желанию накормить незнакомца. Я бы сделала то же самое. Съедаю несколько кусочков сыра, и мне сразу становится лучше.

За едой она рассказывает мне, что работает фотографом-фрилансером. Я спрашиваю, ее ли работы висят в коридоре. Сияя, она говорит, что да. И снова возникает вопрос – почему нигде нет семейных фотографий? Уж у фотографа-то дома они точно должны быть.

– Чем вы занимаетесь? – спрашивает она, и я отвечаю, что медсестра.

– В нашей региональной больнице?

– Нет-нет. Я приехала сюда с мужем на выходные. Я живу в Сиэтле.

В подробности я не вдаюсь – боюсь себя выдать. Мы еще

немного беседуем о больницах и реставрации красивого дома Ханны, и я встаю.

– Я отняла достаточно вашего времени, – с теплой улыбкой признаю я. – Это было так мило с вашей стороны. Можно я приглашу вас на обед, когда приеду в следующий раз?

– С удовольствием, – радостно откликается она. – Я не из Орегона. Переехала сюда к мужу, и друзей пока немного.

– А откуда вы? – Я наклоняю голову набок, пытаюсь вспомнить, рассказывал ли Сет.

– Юта.

По коже бегут мурашки. Сет тоже из Юты. Они с Ханной были знакомы, когда он там жил? Невозможно. Это первая жена – Вторник, и в Юте он был с ней. У Сета и Ханны большая разница в возрасте, вряд ли они учились вместе в школе.

Ханна достает из заднего кармана телефон, и я диктую ей свой номер.

Я иду в прихожую и надеваю туфли. Мне вдруг невыносимо захотелось уйти. О чем я вообще думала? Сет мог заехать домой в обеденный перерыв и обнаружить меня с Ханной. Что бы он сказал, обнаружив вместе двух жен? Я подхожу к входной двери и наклоняюсь поправить завернувшийся задник туфли. И вдруг вижу на полу возле окна осколок стекла – длинный и зазубренный. Поднимаю его и зажимаю в руке. Из стены торчит пустой гвоздь, там когда-то висела картина. Я поворачиваюсь и показываю стекло Ханне.

– Оно было на полу. Можно порезать ногу...

Она благодарит и забирает у меня стекляшку, но я замечаю, что у нее покраснела шея.

– Наверное, это от фотографии, которая там висела. Она упала со стены.

Я киваю. Бывает. Но потом, когда она отводит руку, осторожно зажав осколок двумя пальцами, я замечаю у нее на предплечье несколько внушительных синяков. Они только становятся синими. Я быстро отвожу взгляд, чтобы она не заметила, и открываю дверь.

– Тогда до свидания.

Она машет рукой и закрывает дверь.

Всю дорогу к машине я думаю о ее синяках. Похожи ли они на следы пальцев? *Нет*, – убеждаю я себя. – *Ты выдумываешь.*

У меня едва остается время вернуться в отель и принять душ, прежде чем встретиться с Сетом за ужином. Я вела машину рассеянно и едва не врезалась в почтовый фургон, остановившийся на светофоре. *Ханна, Ханна, Ханна*. Ее лицо проплывает перед глазами. На мне его любимое черное платье, обтягивающее во всех нужных местах, а волосы свободно лежат на плечах. Под платьем белье, купленное сегодня днем. Кружево натирает кожу, я представляю в таком же комплекте Ханну и мысленно сравниваю себя с ней. Нас ждет прекрасный вечер, напоминаю я себе. Мне не терпится наверстать украденные дни. Это немного напоминает измену и потому особенно меня возбуждает. Возможно, до Ханны мне далеко, но он предпочел провести вечер со мной. Я звоню Сету уточнить время бронирования, и достаточно одного звука его голоса, чтобы согреться.

– Сколько ты потратила? – спрашивает он.

Разумеется, он шутит. Ему нравится изображать бережливость, когда я трачу деньги, но он всегда просит показать ему, что я купила, и комментирует покупки. Я действительно интересна мужу, а это редкость.

– Много, – отвечаю я.

Он смеется:

– Жду не дождусь встречи. Весь день отвлекался от рабо-

ты, думал о сегодняшнем вечере.

– Приедешь сюда или тебя встретить?

– Встретимся там. Ты привезла мое любимое черное платье?

– О да, – улыбнувшись, отвечаю я.

У меня до сих пор бабочки в животе, когда мы разговариваем по телефону. Иногда мне сразу становится легче: достаточно только услышать глубокий голос Сета, и я уже полностью принадлежу ему. Но сегодня я слушаю его без эмоций, чувствую легкий сбой в голове. Мы поддразниваем друг друга, как обычно, но я не ощущаю привычных эмоций. Возможно, когда я увидела Ханну, другую жену, во мне что-то изменилось. Заставило осознать ситуацию, от которой я эмоционально изолировалась. *Этот ребенок. Их поездка в Мексику. Их дом. Жаль, нет времени выпить*, – печально думаю я, забирая пальто с сиденья.

Когда я останавливаюсь около портье, Сет уже ждет меня у входа. Ресторан старомодный и романтический – место, где образуются новые пары и воссоединяются старые. Меня восхищает, что он выбрал для нашего свидания именно это место: ничего помпезного, без белых льняных скатертей и официантов в длинных передниках. Сотрудница ведет нас к столику в углу, я занимаю место лицом к окну. Вместо того чтобы сесть напротив, Сет опускается рядом.

Я оглядываюсь по сторонам, чтобы посмотреть, как реа-

гируют окружающие. Убедившись, что никто не показывает пальцами и не смеется, я расслабляюсь.

– Никогда не думала, что стану той самой девушкой, – говорю я, делая глоток воды.

– Мы всегда над ними смеялись, помнишь? – ухмыляется Сет. – Над странными парами...

Я улыбаюсь:

– Да, но теперь мне тебя все время мало. Возможно потому, что приходится делиться.

– Я твой, – просто говорит он. – Я так тебя люблю.

Голос кажется пресным. Неужели он звучал так всегда? *Ты себя накручиваешь, придираешься к мелочам, – убеждаю я себя. – Это не он изменился, а ты.*

Сложно не задаваться вопросом, насколько часто он говорит это остальным. В голове возникает лицо Ханны, меня охватывает неуверенность. Именно поэтому Сет нас и разделяет – чтобы мы циклились не на ревности и друг друге, а на отношениях с ним. Я сдерживаю чувства. Как всегда: отделяю, организовываю, расставляю приоритеты.

Сет заказывает стейк, я предпочитаю семгу. Мы обсуждаем больницу и новый дом, который он строит на озере Освего для пожилой актрисы. Это все до банальности нормально: типичная женатая пара обсуждает детали своей жизни. Мне почти становится лучше, вино смягчает острые углы тревоги, пока в ресторан не заходит молодая блондинка с младенцем на руках. У завернутого в одеялко ребенка видно только

макушку с прядями темных волос. Меня охватывает горячая, удушливая ревность. Я не могу оторвать от нее взгляда. Спутник женщины суется вокруг, нежно к ней прикасается и заботливо обнимает ее рукой, пока они вместе любят-ся своим крошечным созданием. Меня пробирает дрожь, я пристально смотрю на них, чувствуя знакомый прилив боли. Они так близки, потому что у них ребенок. Хотя это правило работает не для всех. У многих людей есть общие дети и больше ничего. Но я не могу перестать думать о Ханне и Сете – у них будет то, чего никогда не будет у меня.

Сет замечает, куда я смотрю, и берет меня за руку.

– Я люблю тебя, – говорит он, обеспокоенно глядя на меня.

Иногда мне кажется, что он понимает, когда я думаю о них, других женах, и спешит меня успокоить. Словесная поддержка для второй, бесплодной жены. *Ты не смогла дать мне то, чего я желал сильнее всего на свете, но все же! Я очень тебя люблю.*

– Знаю, – вздыхаю я, печально улыбаясь, и отвожу взгляд от счастливой семьи.

– Мне достаточно тебя, – уверяет он. – Ты ведь понимаешь?

Мне хочется наброситься на него, спросить: если меня достаточно, то почему у тебя скоро родится ребенок от другой женщины? Почему вообще есть другая женщина? Но я сдерживаюсь. Не хочу быть слезливой истеричкой. Моя мама бы-

ла истеричкой. Я выросла, глядя на несчастное лицо отца, слушающего ее бесконечные крики, и мне было его жаль. С возрастом ее язвительность только усилилась, как и глубокие морщины на папином лбу. Его лицо напоминало изношенный кусок кожи, ее же лоснилось от ботокса и филлеров.

– Выглядишь расстроенным, – замечаю я.

– Прости, – извиняется он. – Тяжелая неделя на работе.

Я сочувственно киваю:

– Могу ли я чем-то помочь?

Сет смотрит на меня мягким взглядом. С сексуальной полуулыбкой берет за руку.

– Я сам выбрал такую жизнь. И справлюсь. Но я беспокоюсь о тебе. После...

– Волноваться не о чем. Со мной все в порядке, – обнадеживающе киваю я. Явная ложь! Если бы он не был отвлечен остальными, вполне понял бы это. Я не в порядке, но можно все изменить. В моменты слабости мне думается, что неплохо было бы поговорить с ним о своих сложностях, но у него достаточно собственных. К тому же, если Ханна справляется, справлюсь и я. Она ждет ребенка от мужчины, у которого несколько жен, но не проявляет никакого беспокойства. Наоборот, выглядит счастливой. Потом я вспоминаю синяки на ее руке, сиреневые отметины, сливово-темные, напоминающие пальцы, и мои глаза сужаются.

– Что? Что такое? – спрашивает Сет. – Твои брови...

Его рука находит под столом мое бедро, легонько сжима-

ет, и я ощущаю покалывание между ног. Как обычно, мое тело предает разум; никакой дисциплины. Если дело касается Сета.

– Что брови? – уточняю я, хотя прекрасно понимаю, о чем речь. Просто хочу опять услышать это от него.

– Ты хмуришься, а потом кривишь губы, будто хочешь, чтобы тебя поцеловали.

– А может, и правда хочу! Тебе не приходило такое в голову?

– Приходило, – соглашается Сет, наклоняясь, чтобы меня поцеловать, и прижимается ко мне мягкими губами. Я близко ощущаю его запах, и у меня вдруг появляется желание, чтобы он увидел мое новое белье. Хочется понаблюдать, как в его глазах будет разгораться страсть, прежде чем он уронит меня на кровать. *Хорошо, когда ты хочешь собственно мужа и радуешься его желанию*, – думаю я.

Мы продолжаем самозабвенно целоваться, как пара подростков, и вдруг слышим неподалеку женский голос – презрительный, немного раздраженный. Сет отстраняется, чтобы посмотреть через плечо, а перед моим затуманенным взглядом по-прежнему лишь кровать в отеле.

– Любовная ссора, – сообщает он, поворачиваясь ко мне. У него за спиной в баре ругается какая-то пара.

Я вожу пальцем по краю бокала и наблюдаю за выражением его лица. Он сосредоточенно смотрит на свой бокал с водой и явно пытается услышать, что именно они говорят.

Кажется, он наслаждается звуками их голосов, искаженных от напряжения. Пытаюсь понять, принимает ли он чью-то сторону, но нет – он просто слушает. Мы с Сетом ругаемся редко. Возможно потому, что мне привычно заставлять себя быть такой покорной. Видела ли я хоть раз, чтобы он терял терпение? Или был настолько рассерженным, чтобы ударить? Схватить? Толкнуть?

– Сет, – не выдерживаю я. – А ты со своими часто ссоришься?

Вино развязало мне язык, и фасад равнодушия постепенно разрушается. Я наблюдаю за лицом мужа.

Он избегает моего взгляда:

– Все ссорятся.

– Да, я понимаю. – Мне уже наскучили его ответы. – А из-за чего именно вы ссоритесь?

Сету явно неудобно, он тянется за бокалом. Разумеется, бокал пуст, и муж оглядывается вокруг в поисках официанта, чтобы смягчить мой вопрос алкоголем. Я не свожу взгляд с его лица. Мне нужно знать.

– Из-за обычных вещей.

– Почему ты такой уклончивый? – настаиваю я и ударяю пальцами по столу. Меня охватывает злость. Я редко задаю вопросы, а если задаю, то заслуживаю ответа. Заслуживаю за собственную кротость. У меня непростая роль.

– Слушай, у меня правда была очень тяжелая неделя. Я хотел побыть с тобой, от всего отвлечься. Мне лучше насла-

ждать общением с тобой, чем заново переживать ссоры с ними.

Я смягчаюсь. Прячу под стол руки и примирительно улыбаюсь. Сет расслабляется. Действительно, неразумно. Зачем тратить наше совместное время на обсуждение других отношений, если можно сосредоточиться на укреплении нашей связи? Имеет смысл прогнать сейчас из головы Ханну с ее синяками.

– Прости, – говорю я. – Хочешь еще выпить или пойдем?

Сет заказывает еще две порции. Когда нам приносят напитки, смотрит на меня с выражением глубочайшей вины.

– Что такое? Я знаю этот твой взгляд. Говори.

Он с тихим смешком наклоняется ко мне, чтобы поцеловать в губы.

– Ты так хорошо меня знаешь!

Я откидываюсь на гладкую кожаную спинку дивана и жду плохих новостей.

– Вообще-то, мне правда нужно с тобой поговорить.

– Хорошо...

Я наблюдаю, как он делает новый глоток виски, тянет время, подбирает слова. Если он давно собирался сказать мне что-то плохое, то должен был продумать речь заранее. Я начинаю раздражаться при мысли, что он пригласил меня сюда только для того, чтобы подготовить к плохим новостям.

– Дело в Понедельнике.

Внутри все сжимается, меня охватывает паника. Неужели

он узнал, что я была у Ханны? Я облизываю пересохшие губы, уже придумывая, как буду перед ним оправдываться.

– Понедельнике?

– С ребенком все в порядке. Пока. Но я подумал, что ехать нам с тобой с отпуск в этом году – плохая идея. Из-за ее беременности и...

Он умолкает, не закончив фразу, и мне остается лишь ошеломленно на него смотреть. Дела не так плохи, как я полагала, но все равно плохи.

– Почему? – вырывается у меня. – Какая разница? Мы можем поехать до родов.

– К сожалению, нет, – возражает Сет. Подходит официант, и Сет передает ему карту, не глядя на счет. – Мне придется взять отпуск, когда родится ребенок. Я не смогу уехать. К тому же очень много дел на работе. Я должен быть там.

Складываю руки на груди и смотрю в окно, вдруг перестаю чувствовать себя особенной и любимой, как несколько часов назад. Теперь я ощущаю себя выброшенной, нежеланной. Это не я жду от него ребенка – она и потому мои нужды менее значимы. Господи, он позвал меня в Портленд, чтобы смягчить удар! Внезапно осознаю: все это – нежные слова, флирт, приятный ужин – вовсе не романтическая поездка, а банальная манипуляция.

– Я многим пожертвовала, Сет, – начинаю я и чувствую, как меня раздражает горечь в собственном голосе. Мне не хочется вести себя как капризное дитя, но украденное время

– невыносимо.

– Знаю. Мне больно тебя об этом просить, – признает он. Я теряюсь. Он словно вразумляет ребенка, пытаюсь призвать его к порядку.

С тревогой смотрю на Сета, пытаюсь преодолеть желание наброситься на него и сказать что-нибудь обидное.

– Просить? Складывается впечатление, что ты просто ставишь меня перед фактом.

Начинается дождь, и какая-то пара спешит из ресторана к парковке. Я наблюдаю за ними и пытаюсь представить, каково это – быть с мужчиной, который хочет только тебя. До Сета у меня имелся совсем небольшой опыт отношений. Я была из тех серьезных студенток, которые избегали парней, чтобы сосредоточиться на учебе. Будь я поопытнее, то, может, и не согласилась бы с такой легкостью на предложенную Сетом жизнь.

– Ты же знаешь, что это не так, – возражает он, протягивая ко мне руку, но я убираю ладонь, опустив ее под стол, себе на колени. Глаза наполняются слезами.

– Я хочу уйти, – уверенно произношу я и вижу, что у Сета даже хватает наглости нахмуриться.

– Ты не можешь вот так убежать. Нам надо все обсудить. Так работают отношения. Когда я женился на ней, ты знала о возможных последствиях. И согласилась.

Я в такой ярости, что вскакиваю, выбираюсь из-за стола, опрокинув по дороге пустой бокал, и спешу к двери. Слышу,

как он кричит мое имя, но теперь меня уже не остановить.
Мне нужно побыть одной, все обдумать. Как он смеет читать
мне нотации о браке?! Он-то идет самым легким путем.

На следующее утро я просыпаюсь от звука открывающейся двери. Я так спешила попасть в кровать, что даже забыла повесить табличку «Не беспокоить». Слышу осторожное «Уборка номера...» и сдавленно откликаюсь: «Позднее!» Жду, когда дверь снова закроется, переворачиваюсь в кровати и вижу семь сообщений и пять пропущенных звонков от Сета. Если бы я звонила столько раз, когда он пропал, то выглядела бы неуверенной и привязчивой. Выключаю телефон, не читая сообщений, и слезаю с кровати, чтобы собрать немногочисленные вещи. Я хочу домой. Эта поездка оказалась ошибкой. Мне нужно скорее оказаться в своей уютной квартире, где в холодильнике ждет холодная бутылка колы. Там я смогу забиться под одеяло и не вылезать, пока не придет пора возвращаться на работу. Мне хочется позвонить маме или Анне и рассказать им, что случилось, но тогда придется открыть всю правду, а к этому я еще не готова. Уже по дороге в холл я вспоминаю о Ханне и чувствую внезапное желание ее увидеть. Она единственная, кто знает, что это за пытка – делить с кем-то собственного мужа. Отправляю ей сообщение и спешу к парковке. Вчера вечером я настолько расстроилась, что забыла, где припарковала машину. Обхожу ряды автомобилей, передвигая тяжелую сумку вперед-назад по руке. Когда наконец нахожу свой и открываю

дверь, то вижу букет лавандовых роз на переднем сиденье и открытку на руле. Перекладываю их на пассажирское сиденье, не читая открытки, сажусь в машину и завожу мотор. Мне не нужны его цветы и открыточные извинения. Мне нужен он: его внимание, его время, его благосклонность. Уже почти выезжаю на шоссе, моментально забыв о сообщении, отправленном Ханне, когда приходит новое смс. Я спрашивала, не хочет ли она встретиться на поздний завтрак, пока у меня есть такая возможность. От ответа сердце начинает биться сильнее.

«Судовольствием! Встретимся в 10 в «Орсон'с»? Вот адрес».

Вбиваю в телефон адрес и резко разворачиваюсь. Сегодня утром, выходя из номера, я едва посмотрелась в зеркало. Дождаясь зеленого сигнала на светофоре, я опускаю солнцезащитный козырек, открываю зеркало и изучаю собственное лицо. Бледное и безжизненное, с опухшими от вчерашнего плача глазами. Копаюсь в сумочке в поисках помады и быстро крашу губы.

«Орсон'с» – скромная забегаловка. Над дверью – крупная вывеска с печатными буквами. В букве «О» дыра размером с мячик для гольфа и паутиной трещин вокруг. Захожу внутрь, где стоит насыщенный запах яиц и кофе, и оглядываюсь в поисках свободного столика.

Местечко переполнено людьми, которых я никак не могу представить друзьями Ханны. Ирокезы, розовые волосы, тауировки. У одной женщины семь сережек только на лице.

Нахожу столик у окна, откуда видно дверь, и кладу сумку на пустое сиденье напротив. Я слишком часто бывала в кофейнях, где отчаявшиеся люди пытаются стащить стулья. Ханна заходит минут через десять, в красном платье и блестящих черных туфлях. Волосы собраны на затылке, но некоторые пряди падают на лицо, словно их растрепало ветром.

Она с измученным видом присаживается к столику и заправляет пряди за уши.

– Прости, опоздала. Когда получила сообщение, только выходила из душа.

Она снимает солнцезащитные очки, кладет на стол, и складывает пальцы на переносице.

– Болит голова? – спрашиваю я.

Она кивает:

– Нехватка кофеина. Я пытаюсь от него отказаться, но сегодня, думаю, выпью чашечку.

– Я могу принести нам кофе, если ты скажешь, чего еще хочешь, – предлагаю я, поднимаясь с места. У меня возникает внезапный порыв ее защищать. Она кивает, оглядываясь вокруг:

– Да, иначе мы рискуем потерять столик.

Она говорит мне заказ, я иду к кассе и становлюсь в оче-

редь. И в этот момент меня прошибает пот. Что я творю? Это что, месть Сету? *Нет*, – убеждаю я себя, продвигаясь ближе к кассе. – *Это поиск друзей по интересам. Мне необходимо понять себя, а единственный способ – познакомиться с женщиной, сделавшей аналогичный выбор. Вряд ли мне удастся найти себе группу по полигамии, наподобие кружка для молодых матерей.*

Делаю заказ и несу к столику табличку с номером. Ханна грызет ногти и рассматривает кофейное пятно.

Бросаю взгляд на ее руку, где вчера видела синяки. Они превратились из сиреневых в светло-синие.

Она ловит мой взгляд и прикрывает их рукой с идеальным маникюром.

– Несчастный случай, – объясняет она.

– Похоже на следы от пальцев, – небрежно замечаю я. Она выглядит ошарашенной. Вглядываюсь ей в глаза – безупречно-синие, словно нарисованные, с мастерски покрашенными ресницами. *Все слишком идеально.* Когда все настолько идеально, что-то не так.

Дождаясь заказа, мы обсуждаем еще одно изменение в доме, которое она мечтает произвести, но процесс тормозится из-за мужа. Я мечусь между симпатией и ненавистью, продолжая улыбаться и кивать. Какая неблагодарность – жить в таком красивом месте и быть вечно недовольной! Конечно, она уже измотала Сета своими требованиями. Думаю, скоро он мне все расскажет, спросит, что я думаю о ее идее. Сет

всегда обсуждает со мной подобные вещи, даже как будто спрашивает разрешения. Разумеется, я посоветую ему удовлетворить ее желание. Это представит меня в выгодном свете. Внезапно Ханна меняет тему, начинает расспрашивать меня о моей квартире и о том, как я ее обставила. Ее интерес смущает меня, сбивает с толку. Чувствую облегчение, когда нам приносят еду и напитки. Смотрю на свой омлет и размышляю, что, будучи одна, я бы заказала нечто куда менее полезное. А сейчас мне отчаянно хочется рассказать ей что-нибудь личное.

– Вчера вечером я узнала, что муж мне изменяет.

У Ханны из рук выпадает вилка. Со звоном опускается на тарелку и соскальзывает на пол. Мы обе озадаченно смотрим на нее.

– Что? – спрашивает она. Реакция настолько замедленная, что становится почти смешно.

Я пожимаю плечами:

– Не знаю, что делать дальше. Прошлым вечером мы поругались, и я ушла.

Ханна опускает голову и наклоняется, чтобы поднять вилку. Вместо того, чтобы попросить новую, она достает из сумки антибактериальную салфетку и начисто вытирает прибор.

– Мне очень жаль, – говорит она. – Господи, а я тут болтаю про... Мне правда жаль.

Она кладет вилку на место и смотрит на меня.

– Seriously, это ужасно. Не представляю, как бы я справи-

лась. Как ты вообще держишься?

– Не знаю, – честно признаюсь, слегка пожимая плечами. – Я люблю его.

Ханна кивает, словно этого ответа достаточно.

Она разглядывает меня, забыв о своей тарелке с яичными белками. Она почти не прикоснулась к еде. Мне хочется сказать ей, чтобы она поела, ведь в ней растет ребенок.

– А я беременна, – произносит она.

Изображаю удивление. Особенно стараться не приходится, я действительно изумлена, что она рассказала это мне, абсолютно чужому человеку.

Опускаю взгляд на ее живот, плоский и упругий.

– Срок еще небольшой, – объясняет она. – Я никому не рассказывала.

– А... мужу? – уточняю я. Хотя хочется спросить: – *Нашему мужу?*

– Да, – вздыхает она, – он знает.

– И как... Он счастлив?

Разумеется, ответ мне прекрасно известен – Сет на чертовом седьмом небе, но я хочу услышать об этом из уст Ханны. Как она видит восторг моего мужа?

– Он счастлив.

– Ты чего-то недоговариваешь, – резюмирую я и бросаю на нее выразительный взгляд. Мама терпеть не может эту мою черту, считает меня слишком прямолинейной. Но Ханну мое заявление, похоже, не смущает. Она вытирает рот

салфеткой и вздыхает.

– Да, так и есть. Мне нравится твоя прямота.

Я прикусываю щеку, чтобы сдержать улыбку.

– Так в чем дело? Нужно ведь с кем-то это обсудить, верно?

Пытаюсь изобразить равнодушие, но пальцы в туфлях сжимаются и нога беспокойно покачивается под столом. Я чувствую себя наркоманкой. Мне нужно еще, нужно услышать все подробности, нужно понять.

Она смотрит на меня сквозь острые черные ресницы и поджимает губы.

– Он прячет мои противозачаточные.

Прижимаю ладонь ко рту, подавившись глотком кофе. Да она шутит! Сет прячет противозачаточные? Сет из тех мужчин, кто получает желаемое без дешевых трюков. Хотя возможно – только со мной.

– Откуда ты знаешь, что он их прячет? – уточняю я, опуская чашку на стол. Ханна ерзает на стуле, беспокойно блуждая взглядом, словно ожидая, что Сет сейчас появится из ниоткуда.

– Он шутил на эту тему, и, разумеется, таблетки пропали.

– Бывает, что женщины протыкают дырки в презервативах, чтобы удержать мужчину беременностью, – покачиваю головой я. – Но зачем ему удерживать тебя беременностью?

Рот Ханны превращается в прямую линию, она отводит глаза. У меня перехватывает дыхание, взгляд падает на си-

няки на ее руке.

– Ты хотела уйти?

Она смотрит на меня, но ничего не говорит. Я почти вижу правду в ее глазах, спрятанную за частым морганием. Голову переполняют лихорадочные мысли. Для меня немыслимо, что Сет мог ударить женщину, мог прятать противозачаточные таблетки. Хочу спросить, любит ли она его, но язык словно прилип к нёбу.

– Ханна, ты можешь мне рассказать?

Мимо нашего столика проходит женщина с дредами и ребенком, привязанным к груди шарфом-слингом – из тех, что используют хиппи. Ханна наблюдает за ней с живым интересом, видимо, представляя с ребенком себя. Я делала так тысячу раз, представляя вес маленького человечка в руках и воображая, каково осознавать, что ты сотворил нечто столь маленькое и прекрасное. Пристально всматриваюсь в ее красивое лицо. Ханна не та, кем кажется: идеальный дом, идеальное лицо, идеальный наряд... И синяки. Я хотела узнать ее поближе, понять, но с каждой секундой запутываюсь все сильнее. Несколько часов назад я была в ярости на Сета, а теперь, когда сижу напротив другой жены собственного мужа, мой гнев переходит на нее. Меня раздирают противоречивые эмоции – виноватыми кажутся то он, то она. Зачем она вообще на все это согласилась, если не ради ребенка? Ведь ради этого... Ради этого он нашел новую жену. Потому что я не могла родить ребенка.

– Это он поставил синяки? – заканчиваю я и, подавшись вперед, пристально изучаю ее лицо, чтобы определить ложь еще до ответа.

– Все сложнее, – отвечает она. – Он не нарочно. Мы поругались, и я хотела уйти. Он схватил меня за руку. У меня нежная кожа... – неуверенно добавляет она.

– Это не нормально.

Ханна отводит взгляд. Похоже, ей хочется как можно скорее покинуть забегаловку. Она бросает тоскливый взгляд на дверь; я опускаю ладонь ей на руку и смотрю ей прямо в глаза.

– Он бил тебя до этого?

Это глубокий вопрос. Я не просто спрашиваю у Ханны Оварк, бьет ли ее муж, – я спрашиваю, бьет ли ее *мой* муж.

– Нет! Он никогда меня не бьет. Слушай, ты все неправильно поняла.

Собираюсь спросить, *как* именно я все неправильно поняла, но вдруг кто-то врывается в наш столик. Пытаюсь увернуться, но слишком поздно: надо мной наклоняется кружка и содержимое выплескивается на одежду. Девушка с кружкой в руках в ужасе смотрит на меня, раскрыв рот.

– Черт, – отпрыгивает она. – Простите, пожалуйста. Он со льдом, слава богу, со льдом.

Хватаю сумку, убирая ее с пути растекающейся по столу коричневой лужи. Ханна пихает мне салфетки, по одной вытаскивая их из коробки. Я беспомощно смотрю на нее, вы-

тирая брюки.

– Мне нужно идти, – говорю я.

– Знаю. – Она понимающе кивает. – Спасибо за завтрак. Приятно с кем-то поговорить. В последнее время у меня это получается не слишком часто.

Я слабо улыбаюсь и пытаюсь что-то вспоминать, чтобы отвлечься. Но мысли все равно возвращаются к Ханне. Она лжет. С Ханной Оварк что-то не так, и я собираюсь выяснить, что именно.

Несколько дней спустя, когда мне звонит Сет, я – дома, лежу на диване, свернувшись под пледом. Я отклоняла его звонки несколько дней, перенаправляя их на голосовую почту после первого же гудка. Но сегодня мне удалось расслабиться после пары бокалов вина, поэтому я решаю ответить. Я раздумывала над услышанным от Ханны, вновь и вновь проигрывала ее слова в голове, пока мне не захотелось плакать от разочарования. Он здоровается первым. В его голосе слышатся усталость и надежда.

– Привет, – выдыхаю я в трубку. Прижимаю телефон к уху одной рукой, а пальцем другой обвожу орнаменты на декоративной подушке.

– Прости, – говорит он сразу. – Мне так жаль.

Слова звучат искренне.

– Знаю...

Гнев растворяется, я тянусь к пульту и выключаю звук на телевизоре, где идет какая-то бессмысленная чушь. Реалити-шоу – единственный способ отвлечься от разбитого сердца.

– Я говорил с Ханной, – произносит он. – Так зовут Понедельник.

Задержав дыхание, я резко сажусь, и подушка летит на пол. Он действительно только что сказал мне ее имя? На-

стоящий триумф – Сет доверился мне в вопросе, который раньше так тщательно скрывал. Я практически уверена – никто из других жен моего имени не знает. И тут до меня доходит: Ханна теперь главная. Она – беременная жена. Меня вдруг охватывает приступ клаустрофобии, расслабленность сменяется нервным напряжением. Если Ханна решила, что Сет должен остаться рядом с ней, а не ехать в отпуск со мной, так он и поступит. Возможно, я – законная жена Сета, но этот младенец переместил меня на позицию среднего ребенка, а всем известно – именно про среднего чаще всего и забывают. Я прочищаю горло, намереваясь сохранять спокойствие, несмотря на чувства.

– Что она сказала? – Сердце колотится, ногти оказываются у рта, и зубы сами начинают их отчаянно грызть.

На том конце провода повисает пауза.

– Я сказал ей, что для меня очень важна эта поездка. Ты права. Я не могу забирать твоё время. Это несправедливо.

Я должна быть хорошей, исполнять роль примерной жены, но слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их остановить:

– Мне не нужна благотворительность. Я хочу, чтобы ты *хотел* поехать со мной.

– Я хочу. Я стараюсь как могу, детка.

– Сет, не называй меня так.

Долгая пауза, потом вздох.

– Хорошо. Что ты хочешь услышать?

В груди закипает раздражение.

Что я хочу услышать? Что он выбирает меня... Что хочет только меня... Этого никогда не случится. Я соглашалась во-все не на это.

– Я не хочу ругаться, – говорит он. – Просто позвонил сказать тебе, что работаю над нашей проблемой. И что я тебя люблю.

Интересно, он сделал из меня злодейку, сказал ей, что я устроила скандал? Хотя какое мне вообще дело до того, что думает Ханна? Но мне важно, что думает Ханна, хоть она и не знает, кто я такая. *Но она ведь знает, разве нет?* – рассуждаю я. – *Просто она, черт побери, сама не в курсе, что знает.*

– Я сказал ей, что это очень важно, – повторяет он.

Это действительно похоже на Сета. Он никогда не хочет *быть* злодеем. Он хочет угодить, и чтобы угождали ему. И любовью со мной он занимается всегда одинаково – нежное благоговение сменяется жесткой хваткой. И это длится, пока я не начинаю кричать, как порнозвезда.

Внезапно его голос меняется, и я сильнее прижимаю телефон к уху.

– Не знаю, хочешь ли ты еще меня видеть... В четверг...

Я пытаюсь абстрагироваться от вины за свое жесткое поведение и осознать собственные чувства. *Хочу ли я его видеть? Готова ли?* Я могла бы прямо рассказать ему, что сделала, и потребовать объяснений. Но вдруг он будет все отри-

цать? И тогда я больше никогда не поговорю с Ханной. Он расскажет ей, кто я такая, и она будет чувствовать себя преданной. Вполне вероятно, что я полностью выведу ситуацию из равновесия и буду выглядеть жалкой идиоткой.

– Можешь приехать, – мягко отвечаю я. Потому что если он не приедет ко мне, то отправится к одной из них. Возможно, я зла, но соревнование продолжается.

– Договорились, – коротко отвечает он.

После лаконичного *люблю тебя* от Сета разговор заканчивается. И я знаю, он говорит совершенно искренне. Но не отвечаю тем же. Я хочу заставить его помучиться. Он должен уяснить: в браке не бывает лжи, которая облегчила бы правду. И неважно, сколько у тебя жен. Но все же...

Я не знаю, что делать. Чувствую, что с каждым днем кисну все сильнее, как свернувшееся молоко, оставленное на жаре. Наступает четверг, и в качестве протеста я решаю не готовить ужин. Не буду стоять ради него у плиты, делать вид, что все в порядке. Это не так. Не делаю прическу, не надеваю сексуальное платье. В последнюю минуту наношу на шею и запястья немного духов. *Это для меня*, – думаю я, – *не для него*. Когда Сет заходит в квартиру, я сижу на диване в спортивных штанах, завязав волосы в узел на затылке, ем лапшу и смотрю телевизор. Он замирает у входа в гостиную, изумленно меня рассматривает. У меня изо рта торчит лапша.

– Привет, – говорит он. На нем кардиган с закатанными до

локтей рукавами и светло-голубая футболка с треугольным вырезом. Руки спрятаны в карманы джинсов, словно он не знает, что с ними делать. Вид застенчивый. Какая прелесть!

Обычно к этому моменту я уже вскакиваю на ноги и спешу оказаться в его объятиях, с облегчением, что могу наконец к нему прикоснуться. На этот же раз я остаюсь на месте, а в знак приветствия лишь слегка приподнимаю брови и убираю пищу в рот. Лапша при этом хлопает меня по щеке, и в глаз попадают брызги соленого куриного бульона.

Я наблюдаю, как он неспешно заходит в гостиную и садится напротив меня. Садится на один из стульев с цветочным орнаментом, которые мы выбирали вместе – темно-зеленые, с кремовыми гардениями.

– Словно они колышутся на ветру, – сказал он тогда, впервые увидев их в магазине. Такое его описание стало весомым фактором при выборе.

– В кладовке есть лапша быстрого приготовления, – бодро сообщаю я. – Куриная и говяжья.

Дожидаюсь изумленной реакции, но ее нет. Это первый четверг за все время нашего брака, когда я не приготовила нормальной еды.

Он кивает, сложив руки на коленях. Я изумляюсь перемене. Внезапно начинает казаться, что он, в отличие от меня, здесь чужой. Он утратил власть, и мне это отчасти нравится. Поднимаю ко рту миску с бульоном, допиваю его и чмокаю губами. Вкуснотища! Я и забыла, как люблю лапшу. *Госпо-*

ди, как же мне одиноко!

– Итак, – говорю я, пытаюсь спровоцировать Сета высказать мне то, что он сдерживает. Судя по напряженному лицу, невысказанные фразы душат его изнутри. Я не понимаю, как вообще могла подумать, что этот человек поднял руку на женщину. Изучаю его лицо, слабый подбородок и слишком красивый нос. Удивительно, как обида меняет восприятие. Раньше его подбородок не казался мне слабым, а нос – слишком красивым. Мужчина, чье лицо я всегда любила и нежно держала в ладонях, внезапно начинает восприниматься жалким и слабым, преображается из-за моего стремительно изменившегося восприятия.

Я щелкаю каналы, толком не всматриваясь в происходящее на экране. На Сета смотреть не хочу – боюсь, в моих глазах он увидит все то ужасное, что я чувствую.

– Я думал, что справлюсь хорошо, – говорит он.

Я бегло бросаю на него взгляд и продолжаю смотреть на экран.

– Справишься с чем?

– Смогу любить нескольких женщин.

С моих губ срывается резкий, некрасивый смешок.

Сет бросает на меня огорченный взгляд, и я чувствую резкий укол вины.

– Кто вообще может с этим справиться? – спрашиваю я, покачивая головой. – Господи, Сет. Жить в браке с одним человеком – уже непросто. В одном ты прав. – Я опускаю

пульт и внимательно смотрю на него. — Я расстроена. Я чувствую, что меня предали... Ревную. Тебе родит ребенка другая женщина, а не я.

Я высказала о ситуации практически все, что думаю. И сразу хочу взять слова обратно, проглотить их. Моя речь прозвучала так измученно. Я стараюсь не показывать Сету эту сторону. Мужчины предпочитают мурлыканье самоуверенных, надежных женщин — вот как написано в книгах. Именно так Сет говорил обо мне в первые месяцы отношений: «Мне нравится, что ты ничего не боишься. Тебе плевать, кто еще находится в комнате...» Но теперь все изменилось, верно? В комнате находятся две другие женщины, и я замечаю их каждый день, каждую минуту. Я оглядываю свою маленькую гостиную, цепляясь взглядом за безделушки, которые мы с Сетом выбирали вместе. Пейзаж английского побережья, выброшенная на берег чаша из дерева, которую мы нашли в Порт Таунсенде в первый год брака, стопка книг на журнальном столике, которые я так и не прочитала. Все эти предметы составляют нашу жизнь, но ни один из них не способен наполнить ее воспоминаниями или воплотить наше единство, как мог бы ребенок. Внезапно мне становится очень плохо. Наше совместное существование поверхностно. Если не ради детей, то ради чего? Секса? Общения? Что может быть важнее рождения на свет новой жизни? Я невольно кладу руку себе на живот. Навсегда пустой.

В Вашингтоне уже третьи сутки стоит ясная погода и ночное небо покрыто радостными брызгами звезд. Я специально раскрыла шторы перед кроватью, чтобы создалось ощущение, что мы лежим прямо под звездным небом, но теперь, когда я ворочаюсь без сна рядом с храпящим мужем, они кажутся даже слишком яркими. Бросаю взгляд на часы и вижу, что уже за полночь. И тут у телефона Сета вдруг загорается дисплей. Мобильный лежит рядом с ним на тумбочке, и я слегка приподнимаюсь, чтобы посмотреть, кто пишет моему мужу. *Реджина*. Я моргаю, глядя на имя. Это что... Вторник? Клиент в такое время писать не станет, имена всех его сотрудников я знаю. Больше некому. Я ложусь обратно и пялюсь в потолок, вновь и вновь повторяя мысленно имя: Реджина... Реджина... Реджина...

Первая жена Сета – Вторник. Не помню уже, как мы с Сетом дали ей это прозвище, но до Ханны были только мы двое и Сет. Три дня доставалось Вторнику, три дня мне, а один предназначался для переезда. Тогда все было спокойнее; я чувствовала больше контроля над его сердцем и над своим собственным. Я была его *новой* женой, сияющей и любимой – мое влагилице было еще новинкой, а не старым другом. Разумеется, мы надеялись на семью и детей – что их подарю ему я, а не она. Это укрепляло мою позицию, давало

власть.

Вторник и Сет познакомились на втором курсе колледжа, на рождественской вечеринке одного из профессоров. До бизнеса Сет занимался юриспруденцией. Когда он зашел, Вторник, студентка-второкурсница, одиноко стояла у окна и пила диетическую колу в свете праздничных огней. Он заметил ее сразу, но заговорить не решался до конца вечера. По словам Сета, она была одета в красную юбку и черные туфли на высоком каблуке. Разительное отличие от безвкусных нарядов остальных студентов юридического. Про верх он ничего не говорил, но едва ли там было нечто непристойное. Родители Вторника преподавали в этом же колледже, занимались мормонами. Во всем, кроме туфель, она одевалась скромно. Сет рассказывал, что вызывающие туфли она носила с самого начала и с годами склонность к подобной обуви только усилилась. Я пытаюсь ее представить: каштановые волосы мышиного оттенка, блузка, застегнутая до ключиц, и развратная обувь. Однажды я спросила, какой она предпочитает бренд, но Сет не знал. У нее их полный шкаф.

А ты проверь, красная ли у них подошва, – захотелось сказать мне.

В конце вечера, когда все начали расходиться по общежитиям, Сет решился сделать первый шаг.

– Это самые сексуальные туфли, которые я видел.

С такой фразы он начал знакомство. И продолжил:

– Я бы пригласил их на свидание, но боюсь, они откажут.

И Вторник ответила:

– Ну тогда пригласи меня.

Они поженились через два месяца после выпускного. Сет уверял, что за два с половиной года отношений у них не было ни единой ссоры. Он говорил об этом с гордостью, но я чувствовала, как удивленно приподнимаются мои брови в ответ на эту глупость. Ссоры – наждачная бумага, выравнивающая первые годы отношений. Разумеется, множество неровностей возникает и после, на протяжении всей жизни, но ссоры снимают все наносное, открывая другому человеку то, что для тебя действительно важно. Они переехали в Сиэтл, когда друг отца предложил Сету работу. Но Вторник так и не смогла привыкнуть там к местному климату – постоянной пасмурности и мелким дождям. Ее недовольство постепенно переросло во враждебность. Она начала открыто обвинять его, что он увез ее от семьи и друзей плесневеть во влажном, промозглом Сиэтле. Потом, через год после свадьбы, он поймал ее с противозачаточными таблетками и она призналась, что не хочет детей. Сет был обескуражен. Весь следующий год он пытался убедить ее поменять решение, но Вторник оказалась карьеристкой, а мой дорогой Сет – семейным человеком.

Она поступила в юридический университет в Орегоне, исполнив свою мечту. Они договорились взять паузу в отношениях на два года ее учебы. Сет хотел найти новую работу где-нибудь поближе к ней, но дела его компании шли очень

успешно и он вкладывал туда все больше сил. Когда у владельца случился удар, он согласился продать компанию Сету, которому доверял управление два предыдущих года. Это воспрепятствовало переезду Сета в Орегон. Но он не оставил Вторник, поскольку слишком сильно ее любил. Так он и проводил бесконечные часы за рулем. Иногда Вторник приезжала в Сиэтл, но чаще жертвовать приходилось Сету. Это – первая причина, по которой я осуждаю Вторник и считаю ее эгоистичной женой. Сет открыл офис в Портленде не только потому, что там неплохие перспективы для бизнеса, но и для того, чтобы быть ближе к Вторнику. В начале наших отношений я спрашивала его, почему он с ней не разведется. Он тогда посмотрел на меня почти с жалостью и спросил, бросали ли меня прежде. Разумеется, бросали – а какую женщину не бросали? Родитель, любовник, друг. Возможно, он просто попытался отвлечь меня от вопроса. И это сработало. На глаза навернулись слезы, нахлынули воспоминания об обидах, и я поверила, что Сет – мой спаситель. Он не оставит меня, несмотря ни на что. В тот момент я поняла Сета, даже в каком-то смысле им восхищалась. Он не бросал, но у медали была и обратная сторона – он не бросал *никого*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.